

Люди не ангелы.
Собака – не человек.
Значит, собака ангел.
(неправильный силлогизм)

Глава 1. Люди

Ксения уже лежала на носилках, еще ничем не прикрытая. И мертвая. Руки вытянуты вдоль тела, тонкие пальчики сомкнуты лодочкой. Под левой грудью красное пятно. На животе, скрученная спиралью, тугая русая коса.

Петька, как завороченный, смотрел на косу, не в силах отвести взгляда, пока она не зашевелилась. Он оцепенел, а коса продолжала шевелиться. Ему казалось, что она сейчас спружинит, как змея, и, обхватив его шею кольцом, начнет душить. Змея извивалась на животе, а он все стоял, не в силах двинуть ногой или рукой.

Наконец, пересилив страх, он наклонился и коснулся безжизненного лица, погладил по щеке, провел рукой по маленькой груди, стараясь избегать взглядом косы. Коса, которую он безумно любил, которая, рассыпавшись по постели, служила им шелковистым покрывалом, теперь внушала ему суеверный ужас. Он упал на носилки, уткнувшись головой Ксении в бок, и заплакал горько-громко, как ребенок, сломавший любимую игрушку.

...Годачетыре назад молодой, да горячий Петька не мог не влюбиться в красавицу с длинной русой косой, ходил за ней по пятам. А она с того ни с сего могла ужалить его, как змея, каким-нибудь унижающим словом, а то вдруг залиться звонким смехом. Иногда ему казалось, что златовласая русалка издевается над ним. Приходила даже мысль о ее садизме или сумасшествии.

С ней опасно было спорить, доказывать, сопротивляться. Била неожиданно, словно разъярившаяся кошка, растопырив свои хрупкие пальчики. А ее острые заточенные ногти? Сколько царапин оставили они на его теле! Но Петька любил! Он терпел и все прощал: несправедливые упреки, незаслуженные обиды и жгучие пощечины. Однако большинство дней, проведенных ими вместе, проходили тихо и мирно. Юная царица его сердца была добра и нежна, справедлива и ласкова. Петя радовался. Добродушный по характеру парень надеялся, что его любовь победит ее временами вспыхивающую злость.

Но Ксения оставалась горючей смесью, вернее, коктейлем «Светофор», который он пил дважды: слой водки, яичный желток и на дне глоток мятного ликера – освежающий и приятный. Очень часто, после очередной ссоры она, словно опомнившись, сама начинала просить прощения. И Петька чувствовал, что это не просто слова. За ними прятались боль, раскаяние и отчаяние.

Однажды он спросил:

- Что с тобой, Ксюша? Может тебя мучает что-то? Может тебе сходить к врачу?

И получил ответ:

- Кожу с тебя хочу содрать - вот что меня мучает. Понял? – зло прошипела она ему в ухо.

- Садистка! – подумал он тогда, но стерпел и зарекся больше никогда на эту тему не заговаривать.

Мать предупреждала его и обрекла:

- Не пара вы с ней, сынок. Не такая тебе нужна. Ищи ты кого попроще. Вон ведь сколько девчонок вокруг.

И он, злясь, был согласен с ней, когда прибежал среди ночи домой, выкуривал по полпачки сигарет, ложился, вскакивал и опять курил, курил, курил.

Ничего не помогало! Его тянуло к ней, словно кинжал в ножны, после боя. Наступал вечер, и он бежал ни нижний этаж, гадая:

- Что ж будет сегодня?

Развязка пришла неожиданно. Поругались они перед самой отправкой в армию. Отсрочки ему больше не давали. И так два года протянул. Любовь любовью, а надо идти долг Родине отдавать.

В тот вечер Ксюша была тиха и особенно ласкова. Петя был грустен и счастлив одновременно. Да, вот такая, именно такая она была нужна ему. Такой он представлял ее себе в их совместном будущем. Он и в мыслях не держал обидеть ее неосторожным словом.

Рядышком, обнявшись, лежали они в полумраке, опутавшись ее волосами, как сетью. Вдруг она, приподнявшись на локоть, глянула на него, и он сразу почувствовал перемену. Из глаз потянуло холодом, как из открытой форточки.

- Петя! Ты любишь меня? Скажи.

- Конечно, люблю, Ксюшенька. Очень, очень люблю.

- Меня одну?

- Да, ангел мой. Ты же знаешь...

Он не успел договорить, как она, вывернувшись из его рук, вскочила и уселась посреди дивана, укрыв свою наготу волосами, как шатром.

- Знаю? Да откуда же я знаю? Откуда мне знать, что это правда?

С каждым словом голос ее набирал силу, переходя на крик. «Начинается», - устало подумал он. А вслух сказал:

- Ты одна у меня. Дороже всех. Я люблю тебя, и ты сама должна чувствовать.

- Чувствовать? – протянула она. – А ты скажи сто раз, тогда поверю, - приказала Ксения.

Петька начал заикаться.

- А может тебе на кассету записать или еще чего? - Но ссориться он не хотел, поэтому начал повторять:

- Люблю, люблю, люблю...

Петька повторил раз тридцать. Белоснежное личико выглядывало из шатра, выставив наружу маленькие ушки, а огромные серые глаза, распахнув ресницы, внимательно следили за ним. Он остановился, раздумывая, чем же ее успокоить и уложить спать. Вот здесь он и сделал ошибку. Он протянул ей руку и позвал:

- Иди ко мне, крошечка. Я люблю тебя больше всех на свете, даже больше матери.

И в этот момент она пнула его чуть выше паха маленькой, крепкой стопой. Это была уже не пощечина и не царапина. Это был удар. Настоящий удар. И он переполнил его чашу терпения. Она хлынула за края, а освободившееся место сразу заняла ярость. Петька тоже вскочил и со всего размаха дал ей в ответ хорошую оплеуху.

Из носа Ксении ручейком побежала кровь. Он испытал раскаяние в тот же миг и открыл было рот, чтобы молить о прощении, как вдруг, откуда-то изнутри ее тела, сквозь сомкнутые губы на него закричал совершенно незнакомый женский голос - визгливый и пьяный:

- Уходи! Уходи отсюда!

Петр отскочил, как ошпаренный, ошарашено глядя на ее губы. А этот противный, пьяный и ужасный голос все орал:

- Уходи! Уходи отсюда!

- Ведьма! Да ведь ты ведьма, - изумился он.

Схватил свою одежду и убежал домой.

Утром его провожала мать. Он рвался было к знакомой двери, но она крепко взяв его за руку, сказала:

- Не надо, сынок. Спит она. А мы опаздываем. Ждут тебя.

И они поехали в аэропорт, где уже собралась кучка пацанов – новобранцев, в окружении родни и девчат. Петька был хмур и неразговорчив. Наскоро попрощался с матерью и забрался в вертолет. Из Тюмени он перелетел поперек страны и приземлился на Дальнем Востоке. Служить его послали на границу с Китаем. Он быстро привык к армейской жизни, полюбил эти места и свою заставу, но тосковал страшно, особенно ночами. И, несмотря на то, что произошло в последнюю ночь, несмотря на то, что их разделяли тысячи километров, Ксения все-таки крепко держала его сердце, как если бы он был дома. И он писал письма, полные любви и надежды. Ответа не было. Лишь через полгода пришла коротенькая записка:

- Я люблю тех, кто рядом.

А мать сообщила:

- Живет с каким-то. Полный рот золота.

И больше ни слова. Прочитав это письмо, он почувствовал даже облегчение, словно оно стерло в его душе что-то болезненное, опасное. Вот тогда он встретил Джека. Взял щенка на руки и всю свою неостребованную любовь отдал ему.

В поселок он вернулся возмужавший, окрепший, спокойный и уверенный, что все забыл. Гордо водил по поселку рядом с собой Джека. Петру казалось, что теперь его жизнь начнется заново и будет наполнена глубоким смыслом. Но когда он встретил Ксению во дворе, ему вдруг стало необыкновенно ясно: «А ведь я все равно люблю ее!»

- Люблю! – заплакало его сердце.

И он начал просить, умолять. Держал ее за руки, вставая на пути, не пускал:

- Все кончено, Петенька, я живу с другим, - убеждала она его.

Но он не отступал, решив добиться своего, во что бы то ни стало. Он готов был упасть на колени, если бы она сказала. Всякий раз при встрече терял самообладание, заглядывал в ее глаза, обнимал. И добился своего. Получил ворованное счастье. Оказалось, ненадолго...

«Но почему же ты опять не со мной, ангел мой?»

Дед Сашка оторвал Петруху от носилок и толчками заставил подняться и уйти в свою квартиру. Налил стакан водки и крикнул, приказывая:

- Пей, Петька!

Тот выпил и продолжал сидеть, тупо глядя перед собой и одновременно не видя ничего. Дедушка плеснул себе и начал свой рассказ:

- Собрался я давеча в магазин, Петя. Только к двери подошел, вдруг слышу – хлопок. Нет, думаю, не хлопок это. Выстрел! Я к ним. Толкнул – открыто. Захожу. А там... Ксения-то лежит на полу, коса ее у Витьки на руку намотана, а он на коленях. Голову ей на грудь положил, белый весь, трясется. А слезы из глаз хлещут, как вода из крана.

Я обмер, Петь. Ничего не пойму. Стою, не верю. Кровь-то под ней, дырка Витькиной головой закрыта, а пистолет я только потом углядел.

- Ты что, - говорю, - делаешь, сволочь?

А он как заголосит, Петя, ну, точно баба.

- Не хотел я этого, дед. Я пугнуть ее только. Сама нарвалась. «Стреляй!! – кричит, - не люблю тебя».

- А я ведь любил ее. Ее одну. За всю жизнь мою непутевую одна ко мне любовь пришла! Дед!.. - взвыл Витька. - Взбесился я. Пушку достал и к ней.

- Кого ж ты любишь? – спрашиваю. - Петруху Рыжего что ли?

Он ведь ей, как овод, проходу не давал! В магазин уже боялся пускать. Гляну в окно – торчит во дворе с кобелем своим, дожидается. Ревновал я, дед! Ревновал! – ревел он, сжимая веки и обнажая золотые зубы.

- Рванул я к двери. Думаю: «Замочу его, суку!». А она не пускает меня, за руку схватила, сердцем к пушке прижалась и кричит: «Не люблю! Не люблю! В меня стреляй! Быстрее!»

- Сам не знаю, как на курок нажал. Как во сне был. Не жить мне без нее. Одна дорога теперь...

Тогда-то он косу с руки размотал и к столу направился. Бутылка там у него стояла, с коньяком что ли. Так он ее из горлышка почти всю выдул. Глянул на меня зверем, да как заорет:

- Чего стоишь тут? В ментовку беги, козел, а то и тебя грохну!

Я всю дорогу бежал. Ох, и напугался! Не дай Бог кому такое увидеть! И назад опять же бегом.

Заметив, что состояние Петьки не изменилось, дед налил ему еще стакан и себе дежурную рюмочку. И поглядывая многозначительно, взволнованно продолжил:

- Колдунья она была, Ксения-то. Бывало, как посмотрит... Ух! Но я любил ее, ангелочка нашего. Добра, сердечна и жадности ни на копейку. Бывало, занять – к ней. Назад несучи – сроду не возьмет. «Оставь себе, - отвечает, - дедушка. Есть у меня».

- Беда, беда, Петя. Сломала жизнь всем. Себя сгубила. Все чувствовала. Все наперед знала, – поглядывал на парня дед Сашка. Но тот сидел, хоть бы хны, уставясь в одну точку и на глазах хмелея.

...Когда Ксения поселилась по соседству с тихим алкоголиком Сашкой, тот никак не мог понять, какая нелегкая занесла этого ангела в их Богом забытый таежный поселок. Ничего общего у нее не было с местными молодухами, одетыми в ватники и валенки, простыми и понятными, как дважды два. Была она белоликим воздушным херувимом, порхающим над заснеженным поселком. Но и это не главное, чем она отличалась. Ксюша была похожа на струящийся между пальцами шелк, загадочно мерцающий разными цветами. Она меняла настроение, как модницы платья. То это была майская гроза, то цветущий сад с поющей в нем райской птичкой, то ласковое солнышко, то ледяная крепость. Могла ни с того, ни с сего пригласить деда Сашу в гости, а могла годами не замечать старика.

Дед не обижался на нее. Зачем он нужен ангелу, когда вокруг молодые парни крутятся. Бешеный шулер Витек над ней трясется, рыжий Петруха проходу не дает. Но однажды, когда Витек ушел к друзьям играть в карты, Ксения не только напоила-накормила старика, но и сама выпила изрядно, чего с ней раньше не случалось. Сашка, хоть и охмелел, но нутром чуял, что не к добру это. Неспроста она его поит и сама пьет. А Ксения, перебирая пряди на длинной русой косе, задумчиво спросила ангельским голоском:

- Ты вот, дед, жизнь большую прожил. Как думаешь, есть любовь или нет?

Сашка сразу расслабился, уселся поудобнее, чтобы произнести большую речь. Любил он задушевные темы. Была у него своя жизненная философия, только никто его не хотел слушать. Алкоголик, что с него взять?

- Про любовь так тебе скажу. Бывает, живет человек. И жена у него, и дети. А душа его все равно одинока, мечется внутри. И кому раскроешь ее? Кто поймет? Лишь сам себя понимает до конца человек. А душа – это ведь и есть любовь, деточка. Вот и думай: выпускать ее или нет. Как можно доверить другому то, что тебе всего дороже? А дороже всего человеку душа, без нее пропадает он.

Не дав деду договорить, Ксения неожиданно захохотала, сразу потеряв свой ангельский вид и превратившись в дьяволицу:

- И мама учила меня, что нельзя доверять никому на свете, что все мужики сволочи и подлецы. В любой момент могут бросить и предать, чтоб шкуру свою толстую спасти. Ты вот говоришь, что нельзя, никому свою душу раскрывать. Но если душа болит, просится на волю? Что тогда?

Сказала и смотрит прямо в глаза деду. Серые глаза огнем горят. Ведьма, а не херувим! Зло так смотрит, но и с надеждой.

- А ты возьми и излей мне душу. Я ведь не мужик уже, какой от меня может быть вред? - говорит Сашка, а самому страшно становится. Вот оно, значит, для чего позвала - не с кем по душам поговорить. А хахалям своим не доверяет. Знать, никого не любит.

- Ну, так слушай! – начала Ксения. – Когда летела сюда, в тайгу, думала, что скроюсь здесь от своей боли сердечной. Да, видно, никуда от себя не денешься,

деда! Никаким морозом не выстудишь боль душевную, никакими мужиками печаль не уймешь. А печаль-тоска моя такая - домой меня тянет, к маме, да только нет уж ее в живых. Как нет и тех, кто ее обидел...

Ксения встала из-за стола и достала из альбома фотографию.

- Посмотри, это мамина могилка.

Перекрестясь, дед взял фотографию и увидел на ней огромный черный крест, который держал на себе сердце, высеченное из красного мрамора. В одну половинку сердца была вделана фотография красивой молодой девушки. Она стояла боком, обнажив одно плечо и повернув голову, пристально смотрела на него. «Такие фото в журнал надо, а не на могилу», - подумал дед. И спросил:

- А почему вторая половинка пустая?

- Это место вот для этой фотографии, - сказала Ксения и подала ему свой портрет, точную копию матери.

- Ни одного мужчину я не любила так, как любила свою мать. Только желание отомстить за ее раннюю смерть заставило меня жить, когда ее не стало. Не могла я спокойно жить, пока по земле ходили предатели маминой любви.

Папашу моего она полюбила еще девчонкой, но он бросил ее одну, когда мне и годика не было. Сбежал от трудностей. Мама вскоре влюбилась в другого, моложе ее смазливого пацана. Но его отняла на пять лет тюрьма. Когда отсидел, пришел жить к нам. Матьприняла, известное дело – любовь! Наблатовался он там. По понятиям стал жить, да по бабам молодым шастать. Загулял. Запил.

Мама моя не из простушек. Палец в рот не клади – тяпнет, откусит.

- Или мне все, или ничего, - втолковывала парню.

А он прощенья попросит и опять по своим делам внаглую прется. Мать плачет, грозит: «Выгоню!» А он нагулялся и назад. В общем, канитель: скандал, слезы и опять любовь.

Может, это долго бы продлилось, да только он сдал сам себя. Не удержался, сволочь. Мне тогда лет двенадцать было. Помыла я голову, волосы до колен, сижу их расчесываю. Подсел ко мне, гад, гладит по волосам, по спине, да и болтнул:

- Еще годика два подождем, и будем мы с тобой твоей маме рога наставлять.

Оскорбилась я тогда, все уже понимала. Не столько за себя обиделась, сколько за мать. И рассказала ей. Потемнела она, почернела, да как налетит на подлеца, словно тайфун. Рожу-то ему всю исцарапала и выгнала.

Только мразь-то, видно, совесть совсем потерял. Ушел, но выкрал у нас редкие монеты, еще царские, и часы Павла Буре. Мать берегла на черный день, а ему по доверчивости показала. Сам, паршивец, их продал, деньгами разжился и начал крутиться. Ему доход – приход, а для нас черный день настал.

Вот тогда-то и сорвалась моя мамочка. Выпивать стала. И пошла наша жизнь по другому сценарию. Меня отправили в интернат. Разлуку мамочка не выдержала – руки на себя наложила. Отравилась, бедная. Я пока жила в интернатском аду, план четкий выстроила, как отомстить этим мужикам поганым. Пять лет ждала своего часа.

После интерната, куда деваться девке? Одна родня – отец да тетка. Папаша с сестрой вместе жил, на ее шее ехал. Мне за всю жизнь копейкой не помог. Приняли меня в дом нехотя, вроде как служанку взяли. Ну, убратся там, постирать, есть сварить, да за скотиной смотреть.

Папаша гулена и пьяница. Пока не напьется до чертиков, домой не идет. И стала я его вечерами ходить встречать. Как бы заботу проявлять. Улучила момент, когда сильный дождь прошел, и лужи водой наполнились. Грязь, скользко. Тетке говорю:

- Пойду папу посмотрю. Встречу.

Встретила...Под ручку его тащу, а сама гляжу, где колея поглубже. Подвела. Ножкой подсечку сделала – он в воду мордой. Ну, тут уж и помогла ему голову-то не поднять. Сошло все. За несчастный случай по пьянке посчитали. После смерти папаша тетка сюда, на Север, переехала, за большими деньгами. Осталась я в нашей деревне одна жить.

Стала готовиться с другим подлецом за маму расквитаться. Другой-то женился, детей двое. Бизнесменом стал, небольшой ресторанчик в его в руках. Живет- не тужит.

Как-то вечером распустила я волосы и явилась в кабак, прямо в кабинет его. «Помните меня?» – спрашиваю. Глянул он – узнал, а про все остальное сразу и забыл. И про жену, и про детей, и про бизнес свой. Сильно влюбился в меня. Согласилась я с ним встречаться. Только в кабинете. И чтоб ни сторожа, никого. «Приходить буду к тебе ночью, - говорю, - а то разговоры пойдут всякие по селу».

Тот согласен на все. Откуда ему было догадаться, что я мстить пришла. Сначала обобрала его хорошенько, как лоха. Заставила матери необыкновенный памятник сделать. А сама к делу готовилась. Ну, снотворное, струнку и бензина канистру. Варезки не забыла, бензинчик в кустах спрятала. Все готово.

Опоила снотворным, мордой в салат ткнула, как папу в лужу, зашла сзади и гитарной струной давила, пока глаза не повылазили. А на ручки-то варезки одела, чтоб самой не порезаться. Вышла, канистру откопала, облила его и все вокруг, свечи огарочек зажгла, тряпочкой смоченной в горячем обложила, закрыла дверь и была такова...

Там пластмасса да дерево. Загорелось, как в аду. Нашли от бизнесмена, когда залили все, одни косточки. Сожгла его любовь.

Следствие, конечно, было. Крутили меня, на допросы вызывали. Да без толку. Я глаза в землю опушу, ресницами прикрою, косу свою спереди повешу, тереблю, слезу пускаю. Бедная, несчастная овечка!

А как померла тетка, так переехала побыстрее в ее квартирку. Подальше от смертей и от людей. На Север. Да только злость на мужиков не прошла. Боюсь, что и Витька погублю, и Петьку.

Я прошу тебя, дед, если что случится со мной, передай это письмо Петру.

Не понял тогда Сашка, что может с ней случиться, но письмо взял.

«Да, милая, все ты знала наперед, все предупредила», - про себя повторял дед. Он уложил опьяневшего Петра на диван и ушел к себе. Джек подошел к хозяину,

ткнул носом, но тот молчал, не реагировал. Джек понял, что с ним что-то случилось, и проскулил, беря высоко, почти по-щенячьи. Прыгнул на диван и лежал, глаз не спуская.

Всю ночь хозяин прижимал его к себе, гладил по голове и называл новым именем «Ксюша, Ксюшенька». Джек был изумлен. Единственное объяснение, которое он нашел необычному поведению своего друга, - это то, что ему сильно плохо.

Дед пришел рано утром:

- Вставай! Вставай, Петр! Ксения ждет!

Петька мгновенно вскочил, дико озираясь, уставился на деда и с надеждой спросил: «Где?»

- В морге она, - ответил тот и сунул ему в руки конверт.- На вот, читай, тебе велено передать.

И Петька начал читать, смахивая время от времени обильно льющиеся слезы:«Петя! Ты знаешь, у меня никого нет. Поэтому прошу тебя - выполни мою просьбу. Если со мной что случится, отвези меня на родину к маме и положи рядом.Деньги найдешь под паркетом. Третья дощечка от угла, где телевизор. Присмотришься – заметишь. А фото – в альбоме. Все. Прощай».

- Дед! – заорал Петька, стуча кулаком в стену. – Она знала! Она все знала, дед!

- Да я вчера еще тебе намекал, но ты никакой был. Двух мужиков убила Ксюша-то. Вот и тяжела была душа ее.

- Как? – Петькины брови начали перебираться на лоб.

- А вот так. Когда письмо это передавала, рассказала она мне все. Как папашу своего порешила. Как какого-то бизнесмена пришила. Опоила снотворным, зашла сзади и гитарной струной давила, пока глаза не повывлезали. А на ручки-то варежки одела, чтоб самой, значит, не порезаться. Все предусмотрела! Вот девка!

- Но почему, дед? Зачем она это делала? Зачем убивала?

- А за мать, говорит, мстила. Сильно обидели ее мамочку мужички-то эти. К тому же разлучили их с матерью охотники до порядка и воспитатели нравственности. Мама-то ее часто к рюмочке прикладывалась. Вот и разорвали глупые люди их любовь, как цепочку золотую.

Петька выполнил просьбу Ксении.Добрался он до ее родного села под названием Хрен, нашел на кладбище кровавое гранитное сердце и положил Ксению рядом с ее мамой. Могильщики распили водку, с чувством перекрестились и пошли восвояси. Петр остался один. Долго смотрел на знакомое и незнакомое лица, стараясь запомнить их навсегда. Потом первый раз в жизни осенил себя крестом и быстро пошел на станцию.

Прилетев домой, он запил. Напившись, кричал во сне:

- Змея! Змея, не души!

А иногда наоборот:

- Души! Души!

Восемь лет отсидел за Ксюшу золотозубый Витька Шерстик – картежник и шулер. В это время ему удалось передать записку на волю своим друзьям. Всего два слова «Достаньте Петьку Р.» Они выждали месяца три. Всегда мешал

Джек. Но однажды Петруха оставил его дома и пошел в ресторан за водкой один. Дед Сашка и Джек ждали. Прошел час, потом другой. Наконец дед стукнул кулаком табуретку и решительно сказал:

- Беда, Джек! Пошли!

У ресторана Джек сам нашел хозяина. Его лишь слегка присыпали снегом. Дед внимательно осмотрел его. Лицо разбито, голова цела, спереди куртка, как новая. Лишь перевернув его на бок, заметил он крохотную дырочку под левой лопаткой. «Заточкой его, Джек!» - грустно промолвил он и потопал в милицию.

Золотозубый Шерстик не боялся зоны, но придя туда, почувствовал большую перемену в самом себе. Пропал у него интерес ко всему. Он пытался играть. Сядет – не идет ему карта. Хоть что делай! Тут уж никакие передергивания не помогут. А раз карта не идет, значит, проигрывай. Доигрался, что все его зубы золотые повыбили.

Плюнул он тогда на все. Ляжет на нары и лежит молча, в потолок смотрит. И начала прорываться ему в мозг, сверля голову, одна мысль. Сделала вход и проникла внутрь. Так и прожил он вместе с ней эти годы. С ней и с одной вещицей, приготовленной собственными руками.

Вышел он на волю и сразу в поселок полетел. Из аэропорта напрямик на кладбище. Вдоль и поперек его излазил. Петькину могилу нашел, а Ксюшиной нет. Хоть руками землю рой!

Он тогда к деду Сашке. Спешит, волнуется. Жив ли?

Нашел дверь знакомую, стучит. Старик открыл, смотрит подслеповатыми глазами, не узнает. Поздоровался Витька и спрашивает:

- Что, старый, не узнаешь?

Лишь по голосу признал его дед.

- Заходи, Витек. Чего тебе надо-то? Что приперся?

Взмолился тогда Витек.

- Скажи мне, дед Саша, где могила Ксении? Душа к ней просится.

Долго сидел дед молча, а потом говорит:

- Не сказал бы я тебе этого никогда. Больно противен ты мне. И за Ксюшу, и за Петра, и за то, что меня козлом обозвал. Да вот упомянул ты о душе своей. Я сильно сомневался, что она у тебя есть. Но раз ты о ней помнишь, значит, живая она. А душу человека всегда уважать надо.

Так и быть, пойду письмо искать. Мы-то, люди старые, все бумажки храним. Я его у Петьки забрал, когда его твои дружки заточкой убили.

Приносит конвертик.

- На вот, читай. Не тебе оно адресовано. Да уж все равно теперь.

Начал Витька читать, и все шире раскрывались его глаза.

- Так она знала! Она это специально! Да? Меня на восемь лет отправила, Петьку в могилу. Но зачем она? Зачем она это сделала? Скажи ты мне ради Бога!

Опять надолго замолчал дед.

- Может, не рассказал бы я тебе никогда об этом, но ты вот ради Бога попросил, поэтому уважу твою просьбу.

Вздыхнул глубоко, включил свою память, истертую, как старая магнитофонная лента, почти слово в слово повторил он давнишний рассказ Ксении.

Проговорил тогда Витька:

- Спасибо тебе, старик за науку. За то, что рассказал ты мне, что такое жизнь. А то ведь я, дурак, думал, что знаю ее, а оказалось, что и лица ее не видел.

Поднялся из-за стола, протянул руку.

- Прощай, дед Саша. Не увидимся больше.

Но дед руки не подал и ответил:

- На все воля Божья.

И отправился Витька дальше, на родину Ксении. Ему было очень нужно отыскать ее могилу. По кладбищу долго рыскать не пришлось. Крест с сердцем всех звал к себе. Виктор тоже не прошел мимо, дивясь этому монументу, и вдруг увидел глядящую на него Ксению.

- Так вот о каком необычном памятнике говорил дед! – подумал он, подходя ближе.

Да, Ксюша все-таки добилась своего – она соединила их с матерью разорванные сердца в одно.

- Здравствуйте, мои хорошие, - вслух, как с живыми, поздоровался он. Рука его сама потянулась к фотографии, а пальцы заскользили по косе, видимо вспоминая, как расплетали они ее когда-то.

- Что, девочка? Не ждала меня? – спросил он и, сглатывая тягучий комок, катавшийся в горле, еле выговорил:

- Эх, Ксюша, Ксюша... Что же ты наделала? Не вернуть мне тебя назад! Каюсь я, милая, но прощенья не прошу, потому что как нет мне его. Но ты еще немножко подожди. Ладно?

Витька погладил красное сердце с острыми краями и представил внизу свое фото. Но не было ему места в этом сердце. Оно одно было только для двоих. Не замечая соленых ручьев, разбивавших его небритую щетину, он присел на корточки и начал вырывать с могилы траву. Прибрав могилу, Витька снова поласкал ее фотографию и прошептал:

- Я скоро, любовь моя. Я скоро приду.

И пошел искать кладбищенскую свалку. В одной из канав, среди ржавых памятников, вырванных крестов и подгнивших скамеек ему удалось отыскать то, что нужно – ящик. Рядом шла посадка из высоких старых деревьев. Зайдя в нее, Витька собрал сухих щепок, развел костер, бросил в него свои документы, рюкзак и лег на землю, глядя в голубые клочки неба, мелькавшие среди зеленых листьев.

Сколько дней и ночей смотрел он в каменный потолок камеры, подложив под затылок сомкнутые руки. Теперь он видел небо. Он был свободен, но свобода не радовала его. На самом деле он был давно уже в плену у той мысли, что все эти годы жила в его голове. Это она пригнала его назад в поселок, привела к деду Саше, притащила в село Хрен и наконец – к гранитному сердцу с портретом Ксении. А теперь она звала его еще дальше.

Витька резко встал, заметив подходящий сук. Озабоченно нырнул во внутренний карман и вытащил оттуда тонкий шнур, свитый собственными

руками и бережно хранимый все это время. Это была та самая вещь, которую услужливая мысль подсказывала ему сделать первой. И он, свив его, действительно стал увереннее и спокойнее. Потеряв вкус к жизни, он точно знал, что ему делать после освобождения.

Сделав петлю, Витька влез на дерево, прикинул на глаз расстояние от земли до петли и закрепил шнур. Спустившись вниз, он подставил ящик и, встав на него, убедился, что рассчитал верно. Петля болталась на уровне лица. Он надел ее на шею и задумался, копаясь в памяти, что бы такое сказать на прощание. Но кроме слова «хрен», на ум ничего не приходило.

- Да, - согласился Виктор. - Вот куда привела меня моя любовь – на хрен!

Затем он резко прыгнул вперед, отбросив от себя ящик. И полетела душа Витьки Шерстикаискать душу Ксюши.

Глава 2. Звери

Северный поселок Нур был молод. Жили в нем газовики. Народ ехал сюда за длинным рублем, манили большие деньги, но мало кому удавалось собрать даже копейки. Большинство нурчан ютилось в вагон-городках. Один городок вмещал примерно до тысячи вагонов, а всего городков было десять. Вагончики были все одинакового серого цвета и тесно лепились друг к другу, будто боясь потеряться в бескрайних северных просторах. Почти каждый вагончик охраняли собаки. Лишь отработав на газопроводе лет десять, работяги переселялись в приличные микрорайоны из четырехэтажек и часто бросали своих четвероногих друзей в вагон-городках.

Собакам хотелось думать, что их случайно, в суматохе переезда забыли, но не оставили. Что пройдет немного времени, хозяева вернутся и заберут их с собой. И они ждали. И в сердце их навсегда поселялась тоска. Впервые они начинали думать, как человек, чувствовать, как человек, лучше понимать человека...

Так же думала и Джемма, хоть и жила она раньше с хозяйкой Варварой в четырехэтажке. Нопочему-то Варвара оставила еево дворе под присмотром соседей.Когда было тепло, Джемма все надеялась, что хозяйка скоро заберет ее домой. Но вот уже пошел снег, а Варвары все не было. «Джемма, девочка, дочка, бабочка моя» – так ее звала любимая Варвара. Джемма решила поискать ее сама и побежала в лес. Но и там ее не оказалось. Тогда, спрятавшись ото всех, вжимаясь голым пузом в подтаявший снег, Джемма вытянула лапы и положила на них голову. Глаза были закрыты, уши повисли и валялись, как два сломанных крыла бабочки.Из закрытых глаз кокер-спаниеля непрерывно просачивались слезы, катились вниз и, спрятавшись в короткую шерсть, замерзали. Она лежала, не двигаясь, уже часа два. И за это время мир перестал для нее существовать. Не было дня, не было ночи, исчезли звуки. Ее длинный, конопатый нос не чувствовал запахов. Но в голове ее пылала мысль ужаса:

- Одна! Одна! А ее нет. Как я буду без нее?!

Сжималось и трепетало ее горячее сердце, стуча быстро- быстро.

- Умру я, - решила она, - все равно теперь.

Соглашаясь с ней, снег пошел сильнее. Крупные снежинки, мягко опускаясь ей на голову и спину, начали медленно ткать холодное белое одеяло. Джемма не замечала ничего вокруг. Но мир, лес, птицы видели ее, знали, что она здесь. Уже четыре часа, как наблюдала за ней ворона. Четыре раза каркнула птица и не услышала в ответ собачьего лая.

-Ох, беда! Беда...Замерзает!

Мудрая ворона прокаркала еще три раза подряд, привлекая внимание и зовя на помощь. Ее услышалДжек. Он бросил глодать кость и насторожился.

-Что там такое? Надо скорее идти и посмотреть.

Великолепная немецкая овчарка поднялась со снега. Два года на границе, проведенные вместе с Петром, выработали в ней дисциплину и привычку. Каждый вечер Джек обегал вокруг поселка и проходил по краю леса. «Во всем должен быть порядок», - учил его хозяин.

Сегодня Джек изменил маршрут. Он сразу побежал туда, где сидела ворона. Но не напрямую, а зашел справа. В лесу почувствовал он напряжение, и ощущение несчастья охватило его. Неспеша, осторожно приблизился к дереву с

птицей, еще издали заметив белый холмик. Мягко ступая, подкрался и обомлел. Перед ним лежала Джемма! Его любовь! Длинноухая, веселая, но строгая сука. Она лежала перед ним, заочневшая, занесенная снегом. Джек лизнул холодный нос и тихо позвал: «Дже! Дже!» Но она не отвечала.

Ворона, сидящая на суку, удовлетворенно каркнула.

- Ры-ы-ы...- сказал Джек.

И она перелетела на другое дерево.

- Ишь ты какой! – возмутилась птица. – Я тут сидела, дежурила, а он пришел и мне же: «Проваливай!» А я еще посмотрю, что дальше будет.

Джек стал вылизывать морду Джеммы, потом спину. Она не шевелилась. Несколько раз наступил на нее лапами. Ничего. Тогда он начал толкать ее носом в бок и почувствовал сопротивление.

- Жива, жива, моя малышка! Вставай! Вставай!

Джек вскочил ей на спину, пробежал несколько раз туда и обратно, делая массаж, замирая от счастья. Он прикасался языком к ее прекрасной морде, носился возбужденно вокруг, но она лишь сильнее вжималась в снег и молчала.

- Что же делать? – думал он. – Надо поднять ее и заставить идти. Она замерзнет!

Тогда Джек зашел сзади. Разгреб снег лапами и стал лизать вокруг хвоста, подбираясь к ее месту. У вороны, наблюдавшей все это время, клюв открылся, но она не издала ни звука.

- Вот это да! – восхищалась птица.- Во дает!

И Джемма очнулась. Как только этот упрямый язык начал поднимать ее хвост, Дже вскочила, но ноги подломились, и она рухнула на живот, рыча от негодования. Джек сразу отбежал и посидел в стороне минутку. Но тут Джеммин нос начал вздрагивать, и он увидел, что она плачет. Больно было видеть Джеку, как страдает его любимая. Он подошел, лег напротив и языком начал вытирать ее слезы.

- Что с тобой, Дже? Почему ты одна? Где твоя хозяйка? Что случилось? – один за другим задавал он вопросы.

- Она бросила меня! Улетела! Я теперь одна. Совсем одна! Оставила меня! А я ее так люблю! Не хочу без нее жить! – скулила Дже.

Откуда же было знать Джемме о письме, которое пришло ее хозяйке, что сын, ее любимый сыночек Егорушка, попал в Чечне в плен! И успокаивал командир несчастную мать: «Найдем, отобьем. Есть еще надежда!»

Варвара, просидев всю ночь с фотографией Егора в руке, все крепче прижимала голову Джеммы к своим коленям и сквозь рыдания говорила:

- Красавица моя, бабочка! Хотела я вас познакомить, чтобы на охоту ходили вы вместе... Больно нравилась моему Егорушке охота. Любил сыночек эти места и тайгу. А пропал мой сын вдаль от дома, в горячей Чечне. И надо мне ехать сейчас же. Самой мне надо ехать туда, чтобы быть хотя бы ближе к нему! И я найду его! Найду! Найду! – твердила Варвара.

А Джемма лизала ее лицо, ходила вокруг, пряча время от времени голову между колен и переживая. Всю боль своей хозяйки чувствовала она, и было ей тоже плохо. Но не знала еще тогда Джемма, что есть на свете еще более страшная боль – боль разлуки с любимым человеком.

Тревога за сына, как надсмотрщик, хлеставший спину раба плетью, гнала

Варвару в путь. И она улетела, оставив свою длинноухую любимицу во дворе под присмотром соседней.

Джемма жаловалась и плакала перед Джеком.

- Да не плачь ты, - успокаивал ее Джек. – Она еще вернется. Я знаю, те, у которых осталась квартира, возвращаются.

- Как!? – Джемма вскочила на ноги. – О! Я не подумала об этом! Да, я буду ждать ее! И дождусь, - волновалась она. Но почему она не взяла меня с собой? Почему люди, улетаая, оставляют нас?

- Это не они нас оставляют. Просто самолеты не хотят нас брать, - уклончиво ответил Джек.

Джемма успокоилась. Теперь она верила, что хозяйка вернется, и во всем стала винить самолеты. Они не живые, ничего не чувствуют. Откуда им знать про боль? Она посмотрела на небо, гавкнула оглушительно и зарычала зло:

- Вонючки! Вонючки!- дразнилась Джемма.

Ворона, дремавшая на суку, проснулась и каркнула в ответ:

- Молодец!

-Все, пошли! – вдруг сказал Джек, поднявшись на лапы.

-Куда же?

- Мы идем в стаю.

-В стаю?– испуганно переспросила Джемма. – О, нет! Нет, Джеки! Я боюсь их! Они злые! Они не примут меня.

И из глаз снова потекли слезы.

- Я никому не дам тебя обидеть. Они будут иметь дело со мной, - уверенно добавил он. – Теперь ты моя!

-Я ничья! – гордо ответила Джемма.

Джек удивился.

-Господи! Да ведь она еще ребенок. Ничья! Одна! В тайге! Глупышка.

Некоторое время они стояли напротив друг друга и смотрели в глаза. Джемма опустила голову. Джек подпрыгнул невысоко и гордо пошел впереди. Она вздохнула, от жалости к себе облизнулась и поплелась следом.

А Джека переполняла радость. Это была любовь с первого взгляда. Едва он увидел ее впервые во дворе, когда она стрельнула в его сторону влажными коричневыми глазами, как замер и больше не сдвинулся с места. В ее глазах искрились гордость и насмешка, а коротенький обрубочек хвостика был похож на половинку сосиски.

Весь час пока она гуляла, он наблюдал за ней издали. Волновался, удивляясь сам себе, как эта незнакомая, непривычного вида собака вдруг заставила забыть о прогулке, о хозяине, о других важных для собачьего разума делах и сидеть на одном месте до ее ухода. Только тогда он опомнился, но все равно никуда не пошел, а вернулся домой. Лег на подстилку и стал размышлять.

То, что почувствовал Джек к незнакомке, было похоже на его любовь к хозяину, и он часто бросал виноватые взгляды в сторону Петра. Но тот смотрел телевизор и ничего не замечал.

С того дня Джек стал караулить ее во дворе. А когда был дома, наблюдал в окно, опершись лапами о подоконник. Ждал с нетерпением, когда ее выведут. Увидев, бросался к двери с лаем: «Срочно, пусти!» Выбегал. Садился у

подъезда и просто смотрел, ожидая, когда она пройдет мимо него и коротенький хвостик провиляет «Здрасьте». А потом наблюдал, как ее спускают с поводка, и какие пируэты она выделывает.

Петр все-таки заметил перемену в Джеке. Как-то раз, выпустив его на улицу, он выглянул во двор. Увидел соседку, прогуливавшуюся Джемму, и все понял.

- Вот оно что. Значит, и к тебе пришла любовь, Джеки, - тихо проговорил он.

Джек радовался – теперь эта красавица его! С ней нет рядом хозяйки, которая никогда близко не подпускала никого. И хвост его весело, в такт приятным мыслям, мотался из стороны в сторону. Чувство любви и нежности наполнило его, заставив быстрее бежать по венам кровь.

Он оглянулся. Создание, что плелось следом за ним, совсем не походило на ту веселушку с сияющими глазами, блестящей шерстью, вечно рвущуюся из рук хозяйки, чтобы пробежать быстро, легко, стремительно, высоко подпрыгивая в воздухе. Теперь это была другая Джемма. Измученная, сторбленная, испуганная и несчастная. Но такую он любил ее больше, чем прежде.

- Лапы буду ей лизать! Никому не дам в обиду! А Одноглазому, если рыкнет, перегрызу горло.

Он опять посмотрел назад. Дже отставала.

- Она голодна и замерзла, - понимал Джек. И чувство жалости пронзило ему сердце, заставив замереть в который раз за вечер. Остановился и стал дожидаться ее. Когда она подошла, он пошел рядом. Плечо к плечу.

...Стая одичавших собак жила недалеко от мусорных контейнеров. Только здесь можно было прокормиться. Среди снега и морозов брошенные собаки все равно зависели от человека. Пищу они добывали только в отходах.

Собаки залегли вокруг ящиков с отходами полукольцом. Они видели друг друга и людей, выходящих из домов. Вожак стаи имел право первым подходить к контейнерам. Однажды он выскочил, когда женщина высыпала мусор и, испугавшись от неожиданности, ударила его ведром по морде, попав прямо в глаз. Теперь глаз вытек. Собаки стали называть вожака обидным прозвищем – Одноглазый.

На улице он оказался с детства. Отца и мать не помнил. К людям относился настороженно. Так и не узнав человеческой дружбы, он скорее воспринимал их как Богов, чем как братьев. Конечно, он знал их руки. Иногда кто-нибудь из жильцов останавливался и давал ему что-нибудь вкусненькое. А однажды подвыпивший дед Саша отломил ему кусок колбасы.

Приятно было внимание людей и их ласковые голоса. Но знал он также, что попадись под ноги человеку злему, не в настроении, и получишь тогда хороший пинок под зад. Поджавши хвост, отбегал в сторону в недоумении и думал: «Вот те на... А хотел вроде доброе слово ему сказать».

«Не подходи, пока не позовут. Береги хвост и голову. Никому не доверяй и будь всегда первым». Эти четыре правила вывел он, опираясь на собственный горький опыт. Сама жизнь, положив его человеческими руками посреди двора, провела над ним черту и сказала: «Ты должен быть выше!» И он, встав на свои еще неокрепшие ножки, двинулся к бачкам с источником жизни – едой.

Собаки, отиравшиеся рядом, завидев его, зарычали. Он шел. Они

угрожающе рычали. Он шел! Четыре морды с нехорошими глазами скалились и показывали клыки. Он шел! И тогда они набросились на него и начали кусать жестоко и больно. А он, сжавшись в комок, хрипел и думал: «Пусть хоть разорвут, а я есть хочу!»

И когда они, отплеываясь отошли, он встал и упрямо двинулся к бачкам. Оперся передними лапами, выловил кусок хлеба и тут же съел. Еще нашел – съел. И еще похлебал какой-то странной кашицы. Наелся. Лег рядом, закрыл глаза и подумал: «Мой бачок. Никому не отдам. Я первый!»

Лет пять Одноглазый прожил во дворе, знал всех, все знали его. Врагов не имел, но и друзей не завел. Собаки подчинялись и беспрекословно слушались его, пока не появился Джек. Пришел и лег в центре полукруга. Одноглазый взвился и с остервенением набросился на него. Но Джек быстро вскочил на ноги, зарычал грозно и страшно. Сразу нанес удар, полоснув клыками правый бок, сбил вожака с ног, придавил всем телом и шутить не собирался – рвал и кусал.

Тоска застилала глаза Джеку. Ненавидел он всех: и людей, и собак. Не хотел ни первенства, ни драки. Пришел с кладбища. А до этого неделю жил на привязи у деда Саша. Джек ничего не ел, а только пил воду. Лежал с закрытыми глазами и вспоминал. Каждую минуту, проведенную вместе с хозяином, вспомнил он. И понимал, что жизнь его теперь изменилась. Но не мог он измениться сам. Ему казалось, что, оставаясь здесь, в этом теплом коридоре с миской и чужим человеком, предает своего друга, который лежит теперь в холодной земле.

И натягивал Джек веревку, показывая новому хозяину: «Пусти ноги поразмять!» И старик понял его – отвязал. Джек не бросился бежать. Отошел, повернулся и сел, глядя деду Саше в глаза, послал свою мысль. И опять понял его человек, сказав:

- Иди, Джек! Иди! Раз ты так хочешь.

Тогда он вскочил, быстро прошел вперед, оглянулся еще раз и устремился на кладбище. Накрепко засыпанный землей, чужой и холодный там лежал его Рыжий Петька. С разбегу Джек упал на невысокий холмик и все грел, грел животом заснеженную землю. Джек знал, его хозяину холодно и одиноко.

- А-а-а, - проскулил он. – У-у-у, я здесь, с тобой! Я здесь! – кричал Джек и понимал, что его не слышат. – Теперь все будет по-другому, но я буду приходить к тебе, мой вечный друг, - думал он.

А когда излил любовь свою и душу, отряхнулся, обошел несколько раз вокруг могилы, отгородив ее следами ото всех, и медленно пошел прочь, направляясь в стаю.

Вот тогда-то он чуть не загрыз Одноглазого. Вонзил уже клыки в горло и хотел рвануть. Но увидел глаз своего поверженного врага и отпустил. Ужас и такую же, как и у него самого, звериную тоску излучал смотревший на него глаз. Джек разжал челюсти. Отошел. Осмотрел стаю. Собаки переминались с ноги на ногу и нервно топтались у своих мест. Джек зарычал, показывая клыки. Собаки уселись и стали смотреть на него. Одноглазый не подошел к стае, а отправился за край контейнера.

- Это моя еда! Моя! - стонал он. – Пусть только подойдет!

Но Джек лишь усмехнулся. Знал, что он сильнее лайки, что Одноглазый его боится и что вожак теперь он – Джек. Но не было ему радости ото всех этих мелочей. Он прошел вперед, удаляясь от стаи, и улегся ровно посередине – мордой к домам, где между ящиками был виден его подъезд. Долго смотрел, как входят и выходят его соседи, но не хотелось ему подходить ни к кому.

Джек закрыл глаза и стал вспоминать, каклетом они с хозяином ходили на рыбалку. У тихой речушки, по берегам которой раскинулись густыми кружевами зеленые ели, сидели они тихо-тихо, без слов понимая друг друга и представляя, что они совсем однаина белом свете. Джек прислонил свой нос к Петькиной щеке, колясь о его щетину.

- Мой хороший, Джеки, мой хороший, - нежно гладят его руки, и добрый ласковый голос шепчет: «Джеки, умница, мальчик, хороший, хороший пес, Джеки».

А он, просунув голову под руку, прижался к боку хозяина и слушает, как стучит его сердце. Ничто не отвлекает их от любви и взаимопонимания.

Вытягивая рыбину, Петька радостно кричит:

- Эй, Джеки, неси дрова. Костерчик разведем. Будет нам скоро уха. Давай несидрова, Джеки!

Он срывается с места, тащит палки, сучья, щепки – все, что в зубы попадет. Хозяин подходит и начинает колдовать, зачем-то перекладывая и поправляя ветки. Огонек вспыхивает в его руках, бежит по веткам и вдруг на месте кучи раскрывается цветок. Джек лежит на животе, глядя в центр, в самый огонь, и пламя, танцую, отражается в его глазах. Очень нравится собакам, как и людям, смотреть на огонь.

Потом они едят уху, ложатся рядышком и вместе наблюдают за костром. А хозяин становится грустным-грустным, наливает себе водки и пьет со словами: «А жизнь она такая... Джек!»

Много понимал Джек из слов хозяина, все команды знал, а чего не знал, сам соображал и догадывался. Но не умел он читать мысли человека. Грустил, тосковал Джек вместе с ним и волновался непонятно от чего. А когда не понимал, прижимался сильно и пылко к своему печальному другу и говорил:

- Я с тобой! Я с тобой!

В этих воспоминаниях Джек незаметно задремал. Проснулся он, услышав свое имя. Между ящиков, на корточках, сидел дед Саша и радостно скалился.

- Джек! – звал он. – Иди сюда, иди! Иди, поешь, Джек. Я вот тебе рыбки головы принес. Ешь, -сказал дед подошедшему Джеку.

Тот не набросился на еду, хотя есть хотелось очень сильно. Сначала Джек ткнул носом протянутую руку. Потянул знакомый запах сигарет и перегара и лишь после этого приступил к трапезе. Дед между тем выговаривался:

- Кто покормит тебя теперь-то? Ахты, Господи! Беда, Джек, беда... Где наш Петруха-то? Где Рыжий? Последнего друга лишились и ты, и я.

Джек съел все с аппетитом и закачал хвостом:

- Спасибо.

Сел напротив и повернул морду к стае. Дед неохотно поковылял к дому, время от времени оглядываясь назад.

Джек закрепил за собой право первому подходить к контейнерам и избранному им месту. А всю заботу о стае переложил на Одноглазого. Это ему приходилось разнимать дерущихся псов или, наоборот, организовывать наказание. И Одноглазый дело свое любил. Властью пользоваться привык давно и с удовольствием наводил в стае свои порядки, с презрением глядя на Джека.

А тому было скучно лежать целыми днями и молчать. Говорить же с собаками ему было не о чем. Дед Сашка, правда, приходил каждый день. И Джек был безмерно благодарен ему за это. Хоть парой слов перекинется на знакомом ему человеческом языке. Так прошел месяц. Очень скучал и тосковал Джек, пока не встретил Джемму. Точнее, нашел ее замерзающую в снегу. А теперь он вел ее с собой – в стаю.

Собаки заметили их издали и встали со своих мест. Одноглазый вышел вперед и остановился, дожидаясь. К нему подскочили еще два молодых пса – Вьон и Рекс. Им давно уже и больше всех хотелось подраться.

- Пора уж дать хорошую взбучку этому Джеку, - зло думали они. У каждого из них было множество шрамов от его клыков, и они жаждали мести.

Джек понимал, что сильно изголодавшаяся стая будет против Дже, что старые суки умрут от ревности, увидев именно Джемму. Не было в поселке другой такой красавицы.

- Конечно, они на нее нападут, - думал он. И ему стало страшно, когда он представил ее окровавленные бока и порванные уши. Но делать было нечего, жить они могли только здесь, и Джек не собирался уступать никому.

Они медленно приближались, а Одноглазый с двумя другими уже двинулся им навстречу и встал на тропинке. Джек торопливо обошел Дже и встал боком, закрывая ее.

- Ры...-а- разорву, -с хрипом выплюнул он в их морды. Еще три собаки поднялись со своих мест и начали заходить сзади.

- Эти будут грызть ее, - понял он.

Глаза его смотрели зло и были холодны, но в глубине их, как языки пламени, пылала ярость.

- Убью любого, - решил Джек. И в этот момент они бросились на него.

Втроем врзались с разбегу, стараясь сбить его с ног. Но даже втроем им это не удалось. Джек держался крепко. Скакал, вертелся, щелкал зубами и наносил укусы в разные стороны. И как ни старались взбесившиеся лайки нанести удар страшней, ноим приходилось отскакивать от Джека, как кузнечикам.

Джемма дрожала и на всякий случай отошла подальше. Она не заметила, что сзади ее обошли. Рыжая лайка по кличке Веснушка с разбега прыгнула ей на спину и вцепилась в загривок. Никогда Джемма не была бита даже поводком, и этот неожиданный, подлый укус сразу включил все ее инстинкты. Но сначала она закричала. Страшен и человечесен был ее вопль. Она резко прыгнула вверх, стряхнула с себя эту грызущую тварь и, увидев перед собой

лапу, схватила ее в свою огромную пасть, стала давить, сжимать эту тонкую лапку.

Ее обидчица отчаянно визжала, тремя свободными лапами гребла снег, изо всех сил стараясь вырваться из этой страшной пасти, а две ее подружки кусали Джемме ноги и рвали бока. Она не обращала внимания. Неведомая доселе сила сжимала ее окровавленные челюсти. И только услышав хруст кости, Дже вытолкала эту мертвую ногу из рта, взвилась опять вверх, перелетела через собак и приземлилась уже сзади них. Собаки увидели, что стало с их подружкой. Она ползла по снегу, волоча за собой поломанную ногу. Кровавый след, как прилипшая нитка, тянулся за ее перекушенной лапой.

- Эта морда очень опасна, - думали собаки, отступая.

Джек дрался, легко избегая укусов все больше и больше раззадоривавшихся собак. Крик Джеммы, точно гвоздь, пробил его мозг, замкнув мысли: «Пора кончать с ними». Он сразу оценил обстановку и резко нанес сильный удар. Плечом сбил приблизившегося к нему Рекса, повалив его. На миг открылся голый живот и Джек мгновенно полоснул клыками эту нежную плоть, рванув от ребер до паха, схватил за горло и далеко отшвырнул, как пустую шкуру. Одноглазый и Вьюн бросились врассыпную.

А Джек поспешил к Джемме. Долетел в два прыжка, обежал кругом и бесился, видя, что она все-таки пострадала. В ярости топал он ногами и все рычал, рычал. Нападавшие разбежались, а остальные благоразумно оставались на своих местах. Со страхом глядели на своего загрызенного товарища, окровавленного и оскалившегося. Быстро остывающее тело источало противный запах, а над вывалившимися кишками стоял пар. Собаки подходили, нюхали, ходили взволнованно вокруг и шли к своим местам, но не ложились, а кружили около. Наконец, Джек опять издал грозное рычание, звучащее как предупреждение, и они попадали на свои холодные лежбища.

- Убийца! – шептались собаки между собой в страхе.

Джемма еле успокоила Джека, и он повел ее к своему месту. Лег на спину, начал кататься из стороны в сторону, вытирая кровь о снег, утрамбовывая и расширяя ямку. Грустно смотрела Дже на своего спасителя.

- Так вот она какая, жизнь! – размышляла Джемма.

- За эту холодную постель нужно драться, ненавидеть, убивать!

И в голове вновь раздался хруст маленькой лапки. Ей стало противно. Она устало опустилась рядом с Джеком.

Веснушка с перекушенной лапой не поползла напрямую в лес, а двинулась вдоль, стараясь уйти от стаи как можно дальше. Таков собачий закон - не умирать на глазах у всех, а спрятаться и ждать смерть в одиночестве. Веснушка прекрасно осознавала, что теперь ей не выжить. Ворона, летевшая над ней, рассмотрев ее травму, безошибочно определила:

- Да, эта уже не жилец.

Развернулась и полетела назад.

...А в поселке царствовала зима. Огромная, белая птица кружилась высоко в небе. Потряхивала пушистыми крыльями, запускала в полет кучи

снежинок. И тогда снег валил непрерывно, засыпая дороги, тротуары, протоптанные людьми тропинки. Мороз крепчал.

Белая птица не любила ни людей, ни собак. Она любила лишь себя. Со смехом загоняла людей в дома, а когда они разбегались по своим лачугам и квартирам, принималась за собак, превратившись в ледяную девушку. Дула на снег, закручивала маленькие вихри и швыряла им в морды.

- Снег в морды – зубами щелкай, - переговаривались между собой собаки и зарывались глубже в снег.

Джемма была совершенно не приспособлена жить на улице. Сплавать куда-нибудь, достать подстреленную утку – это пожалуйста. Но для таких морозов шерсть ее была слишком коротка. У нее не было даже подшерстка, как у лаек, а живот был абсолютно голым. Широкие лапы, помогавшие ходить по снегу, не проваливаясь, все время мерзли, замерзали длинные уши. Она почти все время дрожала, когда не двигалась. Поэтому в особенно лютые морозы Дже забиралась Джеку на спину и грелась о него.

- И это на глазах у всех! – осуждала стая.

Но куда же было деваться трясущейся Джемме? Мороз и не туда загонит. Мороз беспощаден. Полярная ночь стояла над поселком. Красное солнце лишь слегка приподнималось над горизонтом, сообщая, что день наступил. Висело некоторое время на одном месте, создавая совершенно фантастическую картину, и быстро скатывалось вниз.

Больше всего собак начал донимать голод. Контейнеры пусты. Уже никто из жильцов не выливал на снег остатки супа или борща, никто не вываливал засохшие кусочки хлеба, шкурки от картошки, кости. Лишь дед Саша ежедневно приносил Джеку и Джемме по кусочку хлеба, что вызывало у стаи черную зависть.

Собаки слабели. Они никак не могли понять, куда же девалась вся еда, предназначенная для них. Но люди теперь выносили в ведрах лишь вонючую жижу. Все дружно бросались, вылизывали все до последней капли, ели промасленную бумагу, да все подряд, чем можно было набить урчащие животы. Потом их рвало, но они упорно слизывали назад то, что отвергли их желудки. Они знали: чтобы выжить, надо есть!

В стае то и дело вспыхивали драки, без конца раздавалось злое рычание и лязганье зубов. Они не ели почти ничего уже две недели. Голод заставлял их страдать и ненавидеть друг друга. Он, как доска со вбитыми в нее гвоздями, не давал им спокойно лежать в своих холодных постелях. Собаки зверели. Нервозно вела себя стая, рыча и облаивая друг друга.

Марья Петровна, санитарка из больницы, спешила домой. Засиделась допоздна у знакомой старушки. Шла, вспоминая о доверительном разговоре, сетуя на трехмесячную задержку зарплаты. День сегодня выдался необыкновенно удачным. Во-первых, Марья Петровна забыла уж, когда последний раз ходила к кому-нибудь в гости. Во-вторых, наконец-то начали выдавать зарплату, по поводу чего они с приятельницей выпили бутылочку водочки и закусили колбаской.

Марье Петровне кормить, кроме себя самой, было некого. Единственная дочь – на Большой земле, а муж, дорогой Ванечка, умер скоро как год. Сразу после похорон Марья Петровна начала попить. Выпивала на ночь, слегка захмелев, подходила к окну и смотрела на пустой двор. Ждала, вот пройдет кто-то. Стены давили на нее, как горы, а привычка гнала к окошку.

Бывало, раз двадцать за вечер посмотрит она, выглядывая в сумраке знакомую фигурку Вани. Двадцать пять лет вместе, никогда не расставались.

Во всем был мил ей муж. Одно не смогла простить. Ушел он, а ее оставил мучиться, да пить горькую. Не было теперь радости у Марьи Петровны. Давно не чувствовала она вкус пищи, не наряжалась, зеркало старалась избегать. Все дела домашние делала по привычке, чтобы занять чем-нибудь беспокойные руки.

Она и сама как бы умерла. Но там, в глубине замкнутого пространства ее тела, жило что-то страшное, скребущее изнутри, грызущее. Что рвало ее сердце, заставляя его замирать и падать вниз, в пустоту. И была эта пустота совершенно темной и бесконечно длинной, как полярная ночь.

Тяжело умирал дорогой ей человек. Рак быстро съел его всего за пять месяцев. Сидела она на краю кровати, гладила исхудавшие руки, лила слезы на хилую грудь. А он вдруг открыл глаза, ясно так посмотрел на нее и спросил:

- Скоро увидимся, Марьюшка?

- Ну что ты, Ванюша, - прижалась она к нему, обхватила руками, прижимая его к себе сильно и крепко.

А когда оторвалась от него, увидела, что он уже мертв, а в глазах так и застыл последний вопрос. Закричала она тогда, завывала на всю землю:

- Скоро, Ванечка, скоро! Скоро, скоро.

Каждый день вспоминала Марья Петровна эти последние минуты. Даже сейчас, торопясь домой, в ответ своим мыслям, произнесла про себя:

- Да теперь, видно, уж скоро.

И смерть увидела ее. Стая зашевелилась, заволновалась, заметив приближавшегося человека. Марья Петровна поскользнулась, резко взмахнула пакетом и успешно выровнялась. Из прорванного в уголке днища начала вылезать колбаса. Сначала кончик, потом все длиннее и длиннее становилась пахнущая палка.

- Ба! Да это та, что выбила мне глаз, - сразу узнал Одноглазый.- И сейчас она потеряет колбасу.

Он выскочил и помчался догонять ее.

Джек, однако, тоже не дремал. Он понял, что Одноглазый сейчас схватит колбасу, а Джемма голодна и давно ничего не ела. В несколько прыжков догнал он Одноглазого, сбил с ног, и они кубарем покатались, вцепившись друг в друга. С разлету подбили сзади под коленки Марью Петровну, которая вскрикнув от неожиданности, повалилась на спину в снег. Пакет отлетел далеко в сторону.

А они вскочили на нее и начали рвать друг друга, задыхаясь от злобы, забыв обо всем на свете и о колбасе тоже. Мгновение и стая уже бросилась к ним. Это был момент, которого собаки долго ждали. Сейчас они расправятся со

своими обидчиками. Стая налетела, как вихрь. Все старались поглубже вонзить в шкуры своих вожаков свои острые зубы. Они сплелись в клубок, полный ненависти и ярости. То там, то здесь мелькали головы, хвосты, ноги. Собаки катались по Марье Петровне, скакали и мазали своей кровью.

- Караул! – хотела закричать она, но в горле раздалось лишь слабое бульканье. Страх, как кляп, заткнул ей рот. И только острые когти, царапавшие лицо, заставляли ее пытаться встать. Она барахталась, размахивала руками, стараясь выбраться из-под них.

Запах крови и колбасы сводил собак сума, и они стали рвать ее пахнущую шубу, сапоги, грызлись между собой все отчаяннее. Страх, голод и ненависть метались между ними черными птицами.

Молодой пес Вьюн все-таки нашел хвост Джека в этой спутавшейся в тугой клубок сваре и изо всех сил впился в него. Это подстегнуло Джека, как удар бича. В гневе он сумел стряхнуть с себя нескольких собак. Повернул морду и, схватив Вьюна за шкуру, отшвырнул в сторону. Приземлился он возле головы Марьи Петровны, где собрались хвосты и ноги. Основная драка продолжалась на ее животе и ногах.

А перед Вьюном заманчиво белела открытая шея. Белая и мягкая, как кусок сала. Он видел, как Джек убил Рекса, и ему захотелось сделать то же самое.

- Я должен уметь убивать, - внушал себе Вьюн.

И он решился. Раскрыл пасть, пробил клыками эту открытую, нежную, незащищенную плоть. Резко рванул вверх, вскрыв артерию, и теплая кровь хлынула ему в рот. А он все вгрызался в свою добычу, наслаждаясь и думая:

- Да ведь это же просто мясо!

Смерть пришла в Марье Петровне, посмотрев желтыми, злыми глазами. И полетели ее мысли, пронзая далекое небо: «Скоро, Ванюша, скоро». Едва душа покинула тело, зависнув невысоко вверху и с удивлением разглядывая страшную картину, собаки почувствовали перемену. Сами собой разжимались их челюсти. С рычанием пятились они, в испуге поджав хвосты, рассмотрев растерзанное тело. Растекались в разные стороны прерывистыми ручейками, спеша скрыться за контейнерами, чтобы не видеть того, что они натворили.

Джек подбежал к пакету, с сожалением обнаружил, что колбаса пропала. Схватил хлеб и помчался за собаками. Он отыскал Джемму между ящиков, в драке она не участвовала. От нее шел приятный запах. Она раскрыла свою огромную пасть и вывалила на снег кусочек колбасы. Джек сразу слизнул ее.

- Так вот она какая, моя Джемма! Значит, жизнь чему-то уже научила ее. И со мной поделилась, лапочка, - восторженно думал Джек. Также по-братски, напополам они съели хлеб.

Стая же находилась в сильнейшем волнении. Никто не лег на свое место. Они сбились в кучу, со страхом вглядываясь в темноту двора. То, что они сделали, не укладывалось в их маленьких головах. Они нарушили табу, закон, передающийся им с молоком матери. Закон преданности и службы человеку. Они поняли, что их не простят никогда, что им пришел конец. Ярость опять

вспыхнула в них и погнала навстречу Вьюну, который, наконец, оторвался от вкусной шеи и, испугавшись, спешил назад в стаю.

Стая набросилась на него, вдавила в снег. Стая вновь сплелась в клубок и молча растащила тело Вьюна в разные стороны. Все спешили. Давясь, глотали теплое мясо. Они не ели ничего почти две недели. Собаки были безумно голодны. Покончив с Вьюном, стая по два-три пса двинулись в сторону леса.

Джек тоже понимал, что уходить нужно немедленно, и повел Джемму за собой. Они спрятались на краю леса. Ее рвало. Она вся дрожала.

- Что это, Джек? Что стало со мной? И это жизнь? Это наша жизнь, да? Джек, милый, я не хочу этого! Я не понимаю, почему так страшно. Почему мы не нужны людям, ведь они так нужны нам!

- Мы – собаки, а они человеки, - неконкретно ответил он, отходя подальше от наблеванной кучи.

- Мы погибнем! – закричала Джемма.

Джеку представилась могила хозяина. Белый холмик в кольце его следов.

- Не надо, Джемма. Не хорони нас заранее.

Они залегли под широкой лапой ели, прижимаясь друг к другу. Но чувство тревоги не давало им сна и покоя.

- Это все из-за меня, Джеки? – задала Джемма мучавший ее вопрос.

- Что ты, дорогая? Это жизнь. Все живут и когда-то умирают. Ты тут ни при чем.

Нехорошие звуки разбудили их рано утром. Машина пряталась за контейнерами, а между ними стояли две буханки белого хлеба. Голодные собаки не выдерживали при виде этой вкусной приманки, выскакивали из леса и спешили за пропитанием. Люди знали, как выманить собак. Стоящий на ящиком человек стрелял, раздавался отчаянный крик, и в стае становилось одной собакой меньше. Машина стояла часа три, и за это время было расстреляно восемь собак.

- Ну, прямо, как дети малые. Сами на смерть бегут, - ругался наблюдавший Джек.

И на второй день опять явилась незваная машина. Все повторилось заново. Виднеющийся издали хлеб, несущаяся на нем Найда, выстрел и ее последняя агония в кровавом снегу.

Старый пес по кличке Гангстер не побежал, а пополз на животе, пытаясь обмануть человека. Но его черная шерсть резко выделялась на белом снеге и его, конечно, сразу заметили.

- Дурак! – не в силах помочь чем-нибудь, злился Джек. И тут же хлопок и визг сообщили ему, что со стаей все кончено. Они остались вдвоем – Джек и Джемма.

Тогда он вскочил и помчался, уводя ее за собой вглубь тайги. Но Джемма, пробежав за ним немного, вдруг встала.

- Ты что? – спросил Джек.

- Я не могу уходить далеко от края леса, - отвечала она, отводя глаза, - ведь я жду ее!

- Нельзя! Нельзя оставаться там! – уговаривал и твердил он.

Но она, не глядя на него, опустила голову и, касаясь ушами снега, упрямо двинулась назад. Джек вздохнул и пошел за ней. Они вернулись под широкую раскидистую ель и продолжали греться друг о друга, жалеть и успокаивать.

Теперь выбрались они из леса только ночью. Быстро пробежали вдоль и поперек поселок, останавливаясь у каждой мусорной кучи. Еды было мало. Они рыли лапами, находили оберточные бумажки с прилипшими к ним окурками, хлебные крошки, обглоданные кости. Все это пахло нечистотами, но они с отвращением ели, стремясь набить хоть чем-то свои пустые желудки. Правда, Джемме удалось откопать из-под снега дохлую кошку, и они с удовольствием разгрызли ее.

Она страшно похудела. Кожа обвисла, ребра повылезали. Теперь Дже была похожа на дощечку, вымазанную кое-где черной краской. Головы она не поднимала и пахала носом снег, спеша за Джеком. Он еще держался. Он надеялся, что рано или поздно трудные времена пройдут. Главное, что они вместе. Он только тосковал от своего бессилия сделать для нее хоть что-то. Смотрел, страдал и думал.

- Селедка ты моя любимая!

Машина приехала к контейнерам и на третий день. Люди, видимо, знали о существовании Джека и Джеммы. У людей тоже были свои законы, и они не хотели нарушать их.

- За убийство надо наказывать убийством, - рассуждал молодой милиционер Игорек. Он недавно вернулся из армии. Довелось ему побывать и на войне. Возвратившись в поселок, удивился, что работы нигде не было. Тогда направился служить в милицию. Его взяли и называли теперь уважительно Игорь Николаевич, чем вызывали у паренька замешательство.

- Чертовы собаки! – зло думал Игорь, вглядываясь в кромку леса. - Да там чуть ли не по пояс снега, - прикинул он глубину снежного покрова. - Ну, уж нет! Я мент, а не пловец.

Лес был далеко, но белая полоса надежно отделяла его от людей.

- Васек, может ты сходишь? А? – безнадежно спросил он у водителя.

- Да ты что, Игорь Николаевич?! – возмутился тот. – Мое дело баранку крутить, а не летать. Давай-ка лучше дернем пока. Посидим, подождем, может какая появится.

- Ну, наливай! – поморщился Игорь.

В конце двора появилась женщина в синем пальто. Она тревожно посмотрела на них и ускорила шаг. А дальше события понеслись, как лава из вулкана, растекаясь все быстрее и быстрее. Только вместо лавы потекла кровь. Когда синее пальто показалось вдали, Джемма заволновалась, вдруг ткнула Джека носом в морду, выскочила из ямы и помчалась вперед. Она спотыкалась, проваливалась в снег, но бежала все быстрее.

А Джек, сначала оторопевший от неожиданности, мгновенно понял все. Значит, вернулась назад их разлучница! И еще понял Джек, что как только Дже заметит стреляющий человек, случится страшное и непоправимое. Она уже достигла ящиков и неслась по хорошо утоптанной тропинке двора.

- Ее уже не догнать! – мелькнула у Джека мысль вместе с его прыжком. - Но до машины я успею.

И он помчался, раскрыв рот и дыша часто, в такт своему выскакивающему из груди сердцу. Джемма почти догнала свою ненаглядную хозяйку. Вот осталось всего каких-то пятьдесят метров. Теперь она не бежала, а летела, став похожей на огромную черно-белую птицу.

- Смотри! – вдруг встрепенулся Василий. – Точнобешеная несется!

- Да все они тут бешеные, -ругаясь матом, выскакивая в дверь, проорал Игорь. – Э...!

Он быстро прицелился и выстрелил.

Совсем мало осталось Джемме, чтобы коснуться той, которую она так ждала и любила, как вдруг ей в бок сильно ударило что-то, подняло еще выше вверх, в последний ее прыжок. И с этой взятой ею высоты она рухнула под ноги оторопевшей Варваре.

И в этот же момент Джек прыгнул на спину стрелявшему, ненавистному человеку. Упав на живот, Игорь успел повернуть голову, силясь разглядеть, что же такое обрушилось на него, и стремясь развернуться на бок. Отвратительная рычащая пасть полоснула его по лицу. Он завопил от боли. Стараясь вытащить из-под себя пистолет, Игорь выдернул руку и нажал на курок. Васька, метнувшийся из машины, вдруг согнулся пополам и рухнул лицом в снег. Последнее, что он успел, удивляясь, подумать: «А ведь только что выпили». И сразу мрак.

Джек между тем доделывал свое дело. Руку с пистолетом он обезвредил мгновенно. Клыками разорвал сухожилия, схватил зубами кисть и помотал сильно-сильно головой. Рука теперь была неопасной. Как отклеившийся протез, валялась бледная кисть, но человек, извиваясь змеей, жил и хотел жить.

- А она? Она!!! Моя любовь? – задал свой немой вопрос Джек. И откусил сначала нос, а потом начал грызть молящие глаза, щеки, бороду, окровавленный шарф.

Бедный милиционер умер не от бандитской пули или острого ножа, даже не от нестерпимой боли замерло его сердце. Сердце его остановилось от ужаса. И поплыл он в теплой реке собственной крови.

- Значит, я все-таки пловец, - догнала его размокшая мысль.

Из подъездов выбегали люди и, крича, бежали к машине. Появился человек с ружьем. Джек взглянул на бежавших, заметил ружье, понял, что нужно уходить и побежал, петляя.

- Не достать вам меня, люди! – зло шептал он. – Есть! Есть еще дела у меня, а вы пока подождите.

Он вернулся в ту же нору. Там пахло Джеммой. Кругом ее следы. Джек устало лег. Знал, что оставаться здесь опасно, что его будут искать. Но там, посреди двора, лежала мертвой его любовь и последнее счастье. Ему нужно было обязательно проститься с ней. И любовь его была сильнее страха. Он терпеливо дожидался, чтобы узнать, где ее закопают.

А Варвара, опустившись на снег, смотрела на Джемму, на растекавшееся вокруг нее кровавое пятно и шептала тихо: «Джемма, бабочка моя, дочка...»

Выбежал дед Саша, глянул на людей, окружавших машину, ковыляя, направился к ним. Опустился рядом на колени и обнял ее за плечи.

- Пойдем, Варюша, пойдем. Вставай, не убивайся. Давай, соседушка, я тебе помогу. Что ж, нашла ты Егорку-то?

Она отрицательно покачала головой, не в силах вымолвить страшные слова. Подняла сухие глаза и вдруг, упав к нему в руки, закричала что было сил. Толпившиеся люди удивленно оглянулись, но никто не сдвинулся с места. А они сидели, обнявшись в снегу, вцепившись друг в друга. Плакал горемыка-алкоголик, как малое дитя. Мазал ее платок слезами и соплями. А крик материнского сердца постепенно утонул в его старенькой рваной фуфайке.

- Пойдем, дорогая, пойдем отсюда, - уговаривал дед сквозь всхлипывания. – Теперь уж ничего не исправит. Что ж делать-то? Жизнь такая.

Поднимая и отряхивая ее, обтирая себе глаза грязными руками, направлял ее в сторону дома. И она пошла за ним, неожиданно ощутив себя стальной и сильной. Медленно поднимались они на третий этаж, и быстро рассказывал дед Саша:

- А она ждала тебя, Варюша. Да вместе с Джеком они, горемыки. Джеку-то, он ее в обиду не давал. Я кормил, ходил каждый день. Да мало-мало мог я дать им. Сама знаешь мою житуху. С утра-то, бывало, встану, кроме краюхи хлеба, шаром покати. Поднес ко рту, а она мне не лезет. Как жрать- то в одиночку? Так я ее на троих разрежу, кусок себе, а два им снесу. Посижу, поговорю, и то на душе легче.

А тут уж и картошки не осталось, понимаешь ведь, как люди жить стали: то пенсию не несут, то зарплату задержат, то свет выключат. И сидишь, как дурак, в темноте, только черти в голове. Так-то, - жаловался дед Саша. – Дай я тебе помогу. Сейчас вот мешок возьму и лопату. Да и закопаем мы нашу красавицу на краю лесочка. Эх! Догребем как-нибудь. А пока зайдем ко мне. А? Да по стопочке. За помин.

Варвара опомнилась, оттолкнула его от себя с такой силой, что он едва не свалился с лестницы. Дед растерялся и удивленно смотрел на нее.

- Не надо, сама я. На вот, сумку мою возьми. А мешок и лопату давай. Ну! – прикрикнула она. – Ступай быстрее.

С секунду он смотрел на стоящую перед ним женщину, как будто видел ее впервые. Потом кинулся к двери, наконец, вынес то, что она просила, ища взглядом побитой собаки ее глаза. Но она головы не подняла и быстро начала спускаться вниз. Подошла во дворе к своей драгоценной ноше, хотела спрятать сразу подальше ото всех, но коричневый глазик так и светился любовью и надеждой. Она бережно прикрыла сначала один, потом другой, погладила, ушки – бабочки осторожно уложила, взвалив мешок на плечи.

И пошла, широко шагая, опираясь на лопату. Тропинка кончилась, по целику идти стало труднее. Ее платок сбился с головы, валенки засыпались. Два раза она упала, утопая в снегу, но знала, что дойдет. С каждым шагом лес

становился все ближе, и с каждым шагом ближе было расставание. Варвара надеялась похоронить вместе с любовью и свою боль. Наконец она дошла.

Случай привел ее к тому месту, где Джемма однажды решила умереть. Всевидящая ворона шире открыла глаза, недоумевая, зачем сюда занесло человека. Заметила она и Джека, подкрадывавшегося все ближе.

- Хорошо тому, кто живет наверху. Шире обзор, больше и дальше видишь, - радовалась она.

Яма ширилась, росла. Снег был мягок и рассыпчат, и земля, наконец, показалась, раскрыв свою черную пасть. Дальше копать не было смысла. Морозы сковали землю, как каторжника оковы. Варвара опустила мешок в яму, спеша избавиться от окровавленного тела. Быстро засыпала. Лопата огромными пригоршнями черпала снег, и вот уже возвысился маленький холмик.

Варвара повздыхала еще немного и, наконец, пошла назад. Джек остался один. Бегом он кинулся к могиле Джеммы. Передними и задними лапами швырял, спеша, в стороны снег. Опускаясь все ниже и ниже, добрался до мешка. Он стал работать с осторожностью. Аккуратно разгрыз ткань и, откинув ее в сторону, увидел свою Дже.

Джек упал на нее, раскинув лапы в стороны. Нюхал, лизал закрытые глазки, стараясь посмотреть в них еще раз. Но они не поддавались, и он, боясь сделать ей больно, тихо опустил свою голову на нее. Первый раз он был так близок с ней и одновременно так далек.

- Девочка моя родная! Конопатик, красавица, - рыдал Джек, прижимался животом к ее окоченевшему трупiku. – Тебе холодно одной и одиноко, - повторял он. – Я никогда тебя не покину, никуда не уйду! Глупышка-малышка, - выл Джек, будоража уснувший лес.

Кровь закипела в нем, и ему стало тепло и спокойно. Казалось, отступила зима, и зеленая, пахучая трава вновь оплела землю, а они с Джеммой в лесу. Она весело прыгает, резвится с двумя длинноухими, конопатыми отпрысками. И он сидит на краю полянки, улыбается, виляет хвостом, радуется своему счастью. Джек улыбался.

Это была красивая смерть.

...Придя домой, Варвара повалилась на кровать и мгновенно уснула. Однако утром ее охватило сильнейшее беспокойство. Она металась по квартире. Одевалась на ходу, спешила, все не могла попасть ногой в валенок и, выскочив за дверь, почти бегом направилась к лесу. Снова пропахала снег, стараясь наступать в оставленные с вечера следы.

Запахавшаяся, еще издали, она увидела, что могила раскопана. В страхе Варвара заглянула в нее. Джек лежал сверху Джеммы, закрыв ее ото всех своим исхудавшим телом. Хвост валялся сзади, как палка, еще больше удлинняя его, а пасть радостно скалилась. Джек улыбался...

С минуту смотрела Варвара на эту мертвую пару. Вдруг земля закачалась и двинулась ей навстречу и мягко ткнулась в колени. Упав, она начала грести вокруг себя снег, стараясь поглубже воткнуться в него. Она вся вывалилась в снежном месиве: макала лицо, откидываясь назад, каталась с боку на бок, швыряла пригоршни в разные стороны, осыпала себя колючим дождем,

погружала руки в сугроб, словно в огонь, и, наконец, стала похожа на безногую снежную бабу с красным лицом.

И когда закончилась ее безумная снежная агония, Варвара, сжав кулаки, подняла их и начала трясти ими, грозить далекому небу.

- Господи! – вопрошала она. – И это жизнь? Когда люди стали жить, как собаки, а собаки научились любить, как люди?!

Глава 3. Ангелы

Когда Витька ушел, дед Сашка опять остался один. Лениво обмахивая паутину, стирая липкую пыль, вычищая черную плесень с усохших мозгов, раскладывая по полочкам свою развороченную память и задавал себе разные вопросы. Почему он не отказал в просьбе этому убийце, лишившему его двух последних друзей – Ксюши и Петьки?

Слова, сказанные освободившимся зэком Виктором, прозвучали для него как пароль, - «душа» и «ради Бога». Но было и еще что-то важное. Дед соскучился по общению и был рад любому человеку, постучавшему в его дверь. Никто не заходил к деду, а он уже давно не переступал порог чужой квартиры.

И тогда он спросил себя, почему люди не видят в нем человека? Ведь он для них всего лишь старик-алкоголик – пустая бутылка. Никто после Ксюши не дал деду денег в займы, и ни с кем после Петьки не доводилось ему выпивать. Соседи не протягивали ему руки, не смотрели в глаза, не интересовались, как ему живется... Конечно! А зачем разговаривать с засохшей веткой? И его просто не замечали. Очень редко слышал он: «Привет, дед». На ходу, торопясь, все шли мимо. Кто не спешил, отворачивались.

Серый туман одиночества, испугавшийся незваного зэка, прятаящийся по углам, теперь снова воспрянул и медленно наполнил комнату горьким, щиплющим дымом. Проникал внутрь его дряхлого тела, давил на глаза и шею. Снова и снова раскручивал дед свои местами глубоко залитую водкой память. Неясные, расплывчатые картины, отдельные моменты всплывали на поверхность его горькой, проспиртованной реки жизни.

Странно. Время слилось для старика в один стакан, где плавали вместе полярные и белые ночи. Туда же упали, как две слезы, высокое, мутное солнце и желтая, промасленная луна. Он не мог отделить друг от друга не только серые будни, но и времена года. Счет годам потерялся, как не проставленные в тексте запятыя. А сколько лет он не поднимал головы и не смотрел на небо? Да, люди не замечали его, но ведь и он не видел и замечал ничего вокруг.

Тоска стала его постоянной спутницей и ходила за ним по пятам. Это она садилась с ним за стол, вместе с ним ложилась спать и будила его ранним утром. Дед не любил просыпаться. Ему не хотелось встретиться с новым днем, хотелось уйти от точки, да только некуда было ему бежать. И он тосковал.

Ему не хватало дружеской теплоты, задушевного разговора, хотя бы простого участия и внимания к себе. И когда ему становилось совсем невмоготу (а случалось это ежедневно, поближе к вечеру), он шел и говорил с собаками. Многие принимали эту странность за сумасшествие, но никому и в голову не приходило, что диагноз здесь другой – одиночество.

Тоска пожирала старика, как моль шерстяную тряпицу. Уже давно она побила тонкую старческую кожу, изгрызла выцветшие глаза, изрешетила дремлющую его душу. Она умудрялась есть даже заспиртованные мозги.

Уныло передвигался старик по своей обшарпанной кухне. Грязный пол, закопченный потолок, облупленные стены, жирный стол, залапанный стакан вызывали отвращение и презрение к самому себе. Он закрыл глаза, чтобы не видеть, не замечать, не знать, что вокруг так плохо и уныло.

А память все раскручивалась, вертелась, видимо, не собираясь останавливаться. Все быстрее и быстрее солнце и луна сменяли друг друга, сливаясь порой в одну жирную каплю.

Неожиданно дед ясно увидел лицо Ксюши и Петьки. Жалость нахлынула на него высокой волной:

- Господи! Господи! Да что же это за жизнь такая? Отчего так рано пришел их конец? А мне-то за что такая награда длиною в семьдесят три года, - недоумевал он. - Почему они, молодые, давно уже сгнили в своих могилах, а он старый и никому не нужный, все живет на этом свете? И радоваться ему от этого или плакать?

И старик заплакал. Одиночество выдоило из глаз горькие слезы и погнало их вниз, орошая древнюю, седую бороду. Добралось до его души, начав ковырять ее грязным, скрюченным пальцем. Оно навалилось на него невыносимой тяжестью, как будто воздух вокруг уплотнился и наполнился молекулами металла. Склонив голову, сидел угрюмый дед за столом. Один.

Гроза бушевала в его душе. Гром гремел и сверкали молнии. Холодным ливнем хлынуло не него сомнение. Где-то в его жизнь закралась ошибка, которую он не заметил или не захотел заметить. А может, даже подыграл ей, специально приоткрыв дверь. Но где? Когда? Почему? Объяснение не находилось. Память, мелькая рассыпавшимся алфавитом, сложилась загадочным ребусом, а ему нужно было узнать слово. Где-то была ошибка, подсказывала ему правда. И ее нужно было найти.

Рыдания душили старика, сотрясая его щуплое тело, стучали в худую грудь, гоняли, как поршень, кадык. Щемило невыносимо. Ему было больно, мучительно плохо. Очень плохо! Но самое страшное, ему не хотелось больше жить. Он был один – микроб в огромном мире.

- Я один! – подвывал он, как избитая собака.

- Я одна! – кричала его душа.

Старик встал из-за стола. От скрипа костей сжалось разволновавшееся сердце. В комнате снял со стены фотографию Ксении, которую заботливо захватил с собой после Петькиных похорон. Новые-то жильцы выкинули бы все равно. А он вот сохранил, сберег. Теперь дед хотел посоветоваться, довериться ей, как она когда-то доверилась ему, рассказав о себе.

- Что, деточка? – печально зашептал дед.- Вот она, жизнь -то моя какая. Что б ты мне сказала? А? Надоело ведь все до чертиков. Один я. Один! – снова взвыл он по-собачьи. – И пустота кругом. Что делать-то будем, детка? Что? – разговаривал он с портретом.

Обмахивая глаза сморщенными веками, стряхивал дед слезы. И в одно мгновение он заметил, будто коса слегка качнулась. Отчаявшемуся, всхлипывающему старику это, наверное, показалось.

Любовь – вот, что было ему нужно все эти годы. Любовь, а не горькая отравка, потому что лишь любовь не может быть одинока. И старик захотел любить, захотел быть любимым. Слишком поздно, но все-таки пришло к нему долгожданное озарение.

Старик понимал, что его время подходит к концу, и ему нужно спешить. Проведя рукой по глазам и промокнув их, словно кожаной салфеткой, он, наконец, улыбнулся.

- Все понял, детка. Слава тебе, Господи! А что, сама сейчас увидишь. Я вот только во двор схожу.

Но тут пустая бутылка всполошилась, поймала солнечный луч и хитро подмигнула ему. Старик удивленно уставился на нее, слова застряли у него в горле на полпути, а кровь ударила в голову. В гневе он вскочил, схватил ее за горло и швырнул в ведро. И топая ногами, зарычал, закричал дед:

- Ну, уж нет, зараза! Только не ты. Все, кончено! Баста! Только не ты, только не ты!

Тыкал он в ведро фигою. Покружил по кухне, немного успокоился и снова ласково обратился к портрету:

- Вот так мы ее, Ксюша! А! Правильно? Видела? Вот так мы ее, стерву! Так-то. Да?

Щедрой рукой резал дедушка хлебушко. Сыпал в пакетик слипшиеся вермишели, чтобы собаки все поели. И поспешил, полетел вниз, поддерживаемый крыльями любви.

Возле контейнеров обитала новая стая. Собаки были прощены. Время помогло им. Кровавая ночь, растерзанная женщина, страшная смерть милиционера постепенно забылись.

Первой приближавшегося деда заметила Карусель и бросилась навстречу. За ней рванула вся стая. Смотрящий тут же нагнал ее, толкнул плечом и ругнулся:

- Укушу тебя в бок!

- Пошел ты в хвост! – оскалилась она, набирая скорость.

И они столкнулись опять. Остальные мчались неровной цепью. Вывалив языки, раскрыв пасти, сверкая зубами и весело рыча друг на друга, собаки спешили навстречу тому, чего им так не хватало, – еде и ласке.

Своей шкурой ощущали они разницу между собственной лапой и рукой человека, чешущей за ухом. Даже сочная, небрежно обрезанная кость, добытая в драке, не радовала их так, как кусок засохшей хлебной корки, поданный этой рукой. Дед был для них олицетворением любви и добра, и его скромное угощение было им дороже всех лакомств.

Они окружили его, путались под ногами, бегали вокруг. Старались прыгнуть повыше, чтобы поближе заглянуть в его глаза. Радовались собаки. Радовался и старик.

- Что, соскучились, да? То-то, - отвечал он им. – И я тоже. Да тише! Тише вы. С ног собьете. На место! На место пошли. Знаете ведь, где место наше. Сейчас, сейчас дам, - осторожно передвигая ноги, звал дед.

Наконец, добравшись до контейнеров, шумная стая остановилась на миг и снова пришла в движение. Дед не обращал внимания. У него были свои правила: всем поровну, каждой по кусочку хлеба. Громко щелкали пасти, но ни один острый клык не задел руки старика и не сделал ему больно. Покормив собак, старик присел на корточки и все девять морд сомкнулись возле его колен. Это был главный момент. Почесывание за ушами, поглаживание спины, ладонь на голове были важнее еды. Они протягивали ему лапы, и старик пожимал их, словно человеческие руки.

Благодарными глазами, полными доверия смотрели собаки и, поймав его взгляд, читали в нем грустное понимание. Это был молчаливый диалог. Ничего не говорил дед, и псы лишь изредка вздыхали. Они чувствовали друг друга без слов. Глазам и душе не нужны слова. Зеркалом жизни старика была стая. И он, и собаки были никому не нужны.

Однако сегодня старику было стыдно и неловко. Он нашел выход, как спастись от одиночества и кому отдать свою ожившую любовь. Одну из собак он решил взять себе. Привести в дом, кормить, ухаживать, опекать. Живое существо он хотел поселить рядом с собой. А теперь старик был в недоумении. Собак было девять, а выбрать нужно только одну. Но они все были его добрыми друзьями. Всех он знал давным-давно. Забрав кого-то, он оскорбил бы, предал других. Всех ему было жалко. Старик никак не мог решиться и поднял голову, чтобы не видеть их глаз, полных надежды.

Но его любовь, видимо, почувствовав его растерянность, уже договорилась с Судьбой. Из-за контейнера выкатился розовый колобок, уселся напротив и уставился черной кнопкой носа прямо на деда. Глаз видно не было, они прятались за челкой. В лучах высоко стоящего солнца, на фоне желтого песка светился нежно-огненный шар.

Замерли руки старика, и замерло его сердце. Замерли и собаки, но повернув морды и увидев приближающегося щенка, оскалились, рыча.

- Цыть, - крикнул дед, - цыть, охламоны!

Карусель не выдержала, сорвалась и бросилась на колобка. Сбив его с ног, она перевернула его на живот и схватила зубами маленькую ляжку. Щенок отчаянно завизжал, сдаваясь своей мучительнице, и кричал до тех пор, пока не подоспел дед и не подхватил его.

- Ты кто? – спросил дед, держа под мышки, как ребенка, пушистого, круглого, как воздушный шарик, легкого щенка.

Колобок развернулся, свесив задние лапы, и открыл голенький живот. Пистон был на месте.

- Ага, кобелек, значит. Мальчик. Хорошо. Так ты кто? И откуда такой взялся? Что за порода такая невиданная? И как звать- величать тебя будем? А? – заулыбался дед.

- Ангел, - пропела его душа.

- Ангел? – задумчиво повторил он. – Да! Ангел! – смаковал он чудесное слово, как леденец.

- Ангел, - показал он щенка собакам. – Теперь он мой. Со мной жить будет. Маленьких нельзя обижать. Нехорошо. Ангел, - повторил он еще раз, внушая собакам.

Притихшая стая молчала. Надежда гасла в их глазах, уступая место покорности нелегкой судьбе. Старик понимал бедага. Их чувство печали было так сильно, что оно пронзило его насквозь, словно он стоял на берегу океана и видел, как волны бьют корабли о скалы, а он ничем не может помочь. Слезы навернулись на его глазах. Собаки ревниво приняли их за слезы радости, но это были слезы жалости и сочувствия. И старик начал осторожно отступать, крепко прижимая своего Ангела к себе. Пошел, но не выдержал, оглянулся. Провожавшая его стая не сдвинулась с места. Собаки молчали.

- Я буду приходить к вам. Не бойсь! Не брошу. Мы придем к вам завтра. Обязательно, завтра, - пообещал он.

Грустные морды печальными глазами смотрели им вслед. Каждая из них жалела, что не осталась навсегда щенком, как этот неизвестно откуда взявшийся пришелец.

Стыд жег дедовы ноги, ступавшие по песку, как по раскаленным углям. Он спешил отойти подальше. Его любовь предназначалась одному, но остальных было жалко. Да так, будто тысячи кошек скребли его душу. Только подходя к дому, он вспомнил, что дома совершенно нечего есть. Надо были идти в магазин, купить что-нибудь для Ангела.

- Молока ему возьму, - решил он. Свернул и зашагал еще быстрее.

Пять лет работала продавщицей в этом магазине Веруня. Пять лет знала она деда, и всегда он покупал одно и то же. Водку да хлеб, изредка добавляя к этому набору крупички да маслица. Увидев его в окно, она привычно поставила водку, положила хлеб и села, дожидаясь.

Дед замялся возле двери вагончика, вспомнив, что с собаками заходить нельзя. Но оставлять щенка не решился, а засунул его под мышку и прикрыл полой пиджака.

- Здравствуй, Вера!- поздоровался он с порога.

- Здравствуй, дед Саша, - отвечала она, кивнув на прилавок. – Добавить чего?

И подозрительно уставилась, гадая, что же он там прячет под пиджаком.

- Да добавь, добавь, Верочка. – Рожки что ли дай, масла и молока. А ее не надо, - отодвинул бутылку дед.

Верунины греческие глаза немедленно выкатились из глазниц, чуть ли не падая на пол.

- Ты чего это, дед Саш? Чего не надо? Водку? – не веря своим глазам и ушам, заволновалась она.

- Ее, ее и не надо. Правильно, - отвечал он, посмеиваясь и наблюдая за ее глазами, которые она старалась затащить обратно. Ей почти это удалось сделать, но тут пиджак старика зашевелился и наружу вывалился рыжий хвостик.

- Ой! – взвизгнула она, снова чуть не потеряв глаза. – Что это у тебя там? Лисичка?

Щенок, видимо, учуяв многочисленные вкусные запахи, старался высунуть морду, и вел отчаянную борьбу с дедовыми руками, распахивая лапами пиджак.

- Песик, - пришлось признаться ему. – Да он маленький, Вера. На улице вот побоялся оставить, вдруг собаки порвут, - оправдывался он.

Скучавшая весь день продавщица, все пытавшаяся справиться с выражением своего лица, оставила это занятие, сообразив, что, видимо, дед преподнесет еще неожиданные новости. Любопытство взяло верх, и она требовательно приказала:

- Да ты что? А ну-ка, покажи.

Дед послушно посадил своего колобка на пол.

- Ой! – восторженно закричала Веруня. – Какой красивый! Прелесть! Да где ж ты его взял, дед Саш? Не наш, не лайка. И цветом необычный. На болонку похож, но те белые. А этот-то непонятный, розовый какой-то. Откуда он у тебя?

- Да я, Вер, собак кормить пошел, а он и вышел. Собаки чуть не порвали. Так я его на руки скорей. А вчера ходил, не было. Подбросили, видать.

- Вот ведь люди! – с чувством воскликнула Веруня. – А ведь красота. Игрушка. А куда ж ты его теперь, дед?

- Как куда? – удивился дед. – Себе взял. Мой. Одному-то скучно, - подхватил он щенка на руки и погладил, открывая глазки. - Молока вот ему куплю. Маленький, - ласково тянул он, купая пальцы в рыжем пухе.

- Молока, - усмехнулась продавщица. – Мясо ему нужно, а не молоко.

И отрезала тоненький кусочек колбаски.

- Колбаска, колбаска, - приговаривала она и протянула руку, поднося кружок к носу. Колбаски не стало. Красный язычок облизал нос, а глазки блестели, как вишни после дождя.

- Видишь, - обратилась она к старику. – А ты – молока. Сам ты его пей.

- Сам и попью, - согласился тот.

- Денег что ли нет, дед Саш, так я подожду.

Пододвигая водку, жалея в душе старика, Вера по-доброму улыбнулась ему.

- Нет, дорогая Веруша, не надо. Пить я бросил.

- Как?! – чуть не подпрыгнула она. – После стольких лет не бросают! Вчера ведь брал.

- Брал. Брал, Вера. Брал вчера, брал всегда, а больше не возьму.

- Да не может быть! Пить бросил! – изумлялась она, совершенно не владея своими глазами, которые теперь превратились в два больших шара с маленькими точками зрачков. – Как же ты бросил, дед?

- Да вот так и бросил, Вера. Он теперь есть у меня.

- Ну, ты даешь, дед!

Сильно сомневаясь, она убрала бутылку на место и, повернувшись к нему, быстро-быстро заговорила:

- Ну, дай тебе Бог, дай тебе Бог. Молодец, что так решил.

Заулыбалась, оживилась и начала рассказывать:

- А мой-то Юрка тоже собаку завел. Во! Надо ему твоего щенка показать. Он в собаках разбирается, все породы знает, книги читает разные про них. Ты своего ему покажи, он сразу скажет, что за порода. Нет, ты представляешь? Весной. Песок мокрый, а он с кобелем своим да по паласам. С кобеля песок сыпется, шерсть лезет. Ужас! Говорю: «Убирай его, куда хочешь. И без него убирать не успеваю. Да и хромой вдобавок». А он мне: «Не могу, мама. У него лапа болит».

Ну, куда денешься, дед? Так и остался. Прижился, лапа срослась. И от Юрки теперь ни на шаг. В школу провожает, со школы встречает. Такой хороший кобелек оказался, смышленный. Понимает все, ну прямо, как человек. Представляешь?

- Да они все такие, Вера. Все они нас понимают. Это мы их понять не можем.

- Да, дед Саш...Понимают! А Юрка мой совсем от рук отбился. Учится плохо. Со школы придет, поест и на улицу: «Я, мама, с Верным поиграю». Он его Верным назвал. А как же – не разлей вода, везде вместе. Вот и все уроки. Эх, возьмусь я за него, - рассердилась Вера.

- А ты не ругай его, Вера, - заступился дед, – добрый он, Юрик-то. Значит, человеком вырастет, раз любит собак. Значит, и людей любить будет. Вот за это он уже заработал пятерку. А учеба может наладится. Не ругай и за собаку. Озlobится парень, хуже будет.

Вера с благодарностью посмотрела на старика.

- Да я и не ругаю особо. И к Верному привыкла. Тяжело мне одной. Был бы отец, поговорил бы с ним. Мужчину может бы и слушал, - поникла она.

- Вера, - задушевно проговорил дед. – Что ты, Вера? Ты же молодая еще. Да у нас в поселке ни одной продавщицы красивее тебя нет. Одни глаза твои чего стоят! – нахваливал дед. – А грудь! А фигура! – понесся он, но запнулся, боясь, что своими словами оскорбил женщину.

Но Вера неожиданно рассмеялась, по-девичьи стрельнула глазами в сторону деда, подбоченилась, выпрямилась и выгнула спину. Увядаящая роза получила, наконец, глоток долгожданной воды. Скучный день украсила песня соловья.

Увидев, что она успокоилась и повеселела, старик засобирался.

- Пойду я, Вера. Покормить вот его нужно, - пристраивая щенка под мышкой, прощался он.

- Да подожди ты, дед Саш. Куда спешишь? – ей хотелось продолжить разговор. – Ты как щенка-то назовешь?

- Да я назвал уже. Ангел это, - протянул он долгое «а».

- Ангел! – всплеснула руками Веруня. И боясь все-таки потерять свои глаза, зажмурилась, а потом закатила их, уставившись на деда чистыми белками.- Да не для собаки имя такое, дед. Разве же можно?

- А нам можно, Вера. Можно. Как с неба он свалился. Знать, Господь послал! Я ведь из стаи хотел взять кого-нибудь, и вдруг вижу – он, Ангел! – твердо сказал дед. – Мой Ангел-хранитель, понимаешь? А теперь, Верочка, нам пора. Ждет нас дома еда. До свидания, дорогая. Не горюй! - и дед направился к выходу.

Потрясенная увиденным и услышанным, продавщица заметалась за прилавком, чувствуя незавершенность разговора, какой-то неправильный конец его.

- Стой, дед Саш! – крикнула она старику, закрывавшему за собой дверь. Она отхватила палку колбасы, банку сгущенки, чай, какие-то консервы, разные пакетики с супами. Все это летело в пакет. И завершение в него нырнул длинный желтый банан.

- На-ка, дедуль. Ешьте, - протянула она ему пакет.

Старик смутился.

- Да ведь до пенсии еще далеко, Вера. Ты что ж, подождешь?

- Да ты что, что ты? – замахала она руками. – И не думай даже. Я ведь от себя, от всего сердца, -схватила она рукой свою грудь.- Для тебя, дед Саш, и для Ангела твоего. Ешьте, ешьте, на здоровье.

Сияли выпуклые темные Верины глаза, унаследованные от отца грека и запечатлевшие в себе тепло и благодать далекого полуострова. Теперь лучили они солнечный свет на растерявшегося деда.Как и все южанки, Вероника была очень чувствительна. Блестели влажные маслины, смазанные слезами.За напускной строгостью и грубостью приходилось прятаться доброму и ласковому сердцу.

-Ну, иди теперь, дед Саш. Иди. Корми его. Да колбаски, колбаски ему дай, - напутствовала она.

Ошарашенный и смущенный, дед сам чуть не плакал, не переставая благодарить:

- Спасибо, Вера. Спасибо, - пятился он к двери, наконец, толкнул ее задом и вывалился наружу.

Чуть ли не вприпрыжку шагал домой, прижимая к себе неожиданные дары – Ангела и пакет с едой. «А хорошая все-таки женщина, - думал он. – Сколько лет знал ее и ничего такого не замечал. А тут на тебе...»

Подаренный пакет тянул руку, но он не чувствовал тяжести. Дед думал, чем же ему отблагодарить Веру. Он не знал, что уже сделал это, сказав простые слова, которых так ждет каждая женщина. Слова, всего лишь слова, но они упали в ее душу несгоревшими звездами, осветили и зажгли ее. Они вернули блеск ее глазам, смыв с них навернувшимися слезами уныние и печаль.

- Эх, Вера, Веруня! Годочков-то двадцать мне назад отрезать и какая б мы были с тобой пара, - мечтал он. – Однако, какая душа-то у нее! Куда ж мужики смотрят?

И с отвращением вспомнил себя, смотревшего в стакан.

- Да, все она зараза. Все она. Всех губит, - сделал он вывод.

Мечтая и рассуждая, не заметил дед, как дошел до дома. Поднявшись по лестнице, он поставил пакеты на пол и стал торопливо открывать дверь. Но тут с верхней площадки громко и раскатисто до него донеслось:

- Здорово, дед Саша!

Старик оглянулся. Радостно, широко улыбаясь, спешил к нему его бывший сосед – Колька Смаков. Два года назад Колька женился, уехал в Питер и жил теперь там.

- Здравствуй, дед! – еще раз повторил он, протягивая ладонь и крепко пожимая ему руку. – Живой?

- Здравствуй, Коля! Здравствуй. Живой я, живой. Все живу, хлеб жую, - засмеялся дед. – А ты-то каким ветром? В отпуск что ли?

- Да, в отпуск. Еле дождался его. Моя Маринка на море хотела меня затащить, да я не поехал. Едь, говорю, одна, а я уж лучше домой слетаю. Мать с отцом проведу. Соскучился, дед Саш. Надоел город. Трудно мне там. И домой, домой так и тянет. У нас простор, тайга, друзья мои все здесь, мать, отец. Так жалею, что уехал. Только Маринка меня там держит. А так...- он безнадежно махнул рукой.

- Да, Коля, - согласно кивнул дед, - родина- она не пустой звук. Всяк человека домой тянет.

- Правильно говоришь, дед. А ты что, собаку завел? – обратил он внимание на щенка. – О! Какой красавец! Где это ты такого зацепил? Оставил кто?

- Да все там же, в стае. Подкинули сегодня, наверное. Я и забрал себе. Маленький.

- И правильно, дед, что забрал. Зима на носу. А он мелкий еще, не перезимовал бы, не выжил.

- Да, - опять кивнул старик. – Ребенок.

- Вот теперь тебе веселее будет, дед, - подсказал Колька.- А слышь, дед, - заговорщически понизил он голос, - я сейчас в магазин сгоняю, возьму и к тебе. Жди. Я быстро, - предложил он.

Но дед, покачав в ответ отрицательно головой, сказал:

- Не надо, Коля. Не надо. Пить-то я бросил. Себе возьми, если хочешь, а вообще-то и тебе не советую.

Колька удивился.

- Ну и разочаровал ты меня, дед Саш. А я летел, думал, схожу в гости к деду, выпьем, посидим, покалякаем. А ты вот как. Бросил, значит. Но я, конечно, одобряю. Одобрю. Молодец. Ну, тогда что ж, будь здоров, увидимся еще. Пойду по ребятам пройду.

Попрощался Колька и поспешил вниз. Громко хлопнула дверь подъезда, а дед, наконец, вошел в свою квартиру. Бережно опустил он щенка на пол и начал объяснять ему:

- Вот, мой Ангел, здесь я живу. Теперь, значит, это и твой дом. Не бойся, я не обижу. Проходи-ка.

Но тот и не думал бояться и покатился исследовать углы и повороты, а дед поспешил на кухню. Ему не терпелось поскорее разобрать пакеты. Первым был извлечен банан. Яркий тропический плод опустился на грязный стол и лежал сиротливо и некрасиво. Старик глянул, испугался, схватил его и засунул обратно.

- Нет. Голубь на навоз не сядет, - осудил он сам себя.

Только после того, как вымыл стол порошком, принялся он снова доставать продукты. Теперь на голубом столе банан был на месте, как солнце на небе. Яркая пачка чая украсила пустующую полку, вытертую от пыли. А дальше шли баночки, пакетики, колбаса. Весело прогремели рожки, а хлеб он отложил в сторонку, а еще и погладил гладкую горбушку шершавой своей ладонью.

Продукты были знакомы, да только давно забыты им. Беленькая да горькая диктовала деду, что ему покупать. Про себя она не забывала никогда, а на остальное просто не хватало денег. Вот и обходился он картошечкой да хлебушком.

Как на скатерть-самобранку глядел на стол довольный дед.

- И за что это мне она? – снова удивился он, вспоминая Веру и ее глаза-маслины.

- А за песню твою соловьиную, - ответила бы она ему. Но старик не слышал.

Однако, пора было начинать пир. Дед достал из шкафа тарелку, нарезал колбасу и уложил распустившимся цветком. Открыл банку шпрот и сделал из золотистых рыбок сердцевину, а соусом нарисовал на лепестках темные прожилки. Красивый маковый цветок лежал на белоснежном поле. Жалко было есть. Хлеб он тоже нарезал не как обычно, а тонко и треугольником. Так резала Ксюша. Он запомнил. Хорошее настроение было у деда, и ему хотелось, чтоб и вокруг все было хорошо и красиво.

Наконец, он позвал:

- Ангел, Ангел! Иди скорей, есть будем.

Тот явился, неся в зубах носок.

- Ах, ты, пес! – воскликнул дед. – Ты зачем за диван лазил? А? Помогаешь? Что ж, это хорошо. Вот поедем и вместе порядок наведем. Вместе веселее. Правда? Ох-хо-хо...давно моя квартира уборку ждала. А вот мы ее теперь вместе, да, Ангел?

Подхватив щенка на руки, он посадил его на колени, и они начали есть. Лепесток щенок, лепесток дед. Ангел ел быстро, глотая, юлил на ногах и просил еще. Старик ел медленно, осторожно откусывая колбаску, сосал во рту золотистых рыбок, вспоминая вкус и долго нащупывая его обожженным водкой языком.

Наконец, старик и щенок наелись. Сытые и довольные, смотрели они друг на друга. Тут Ангел поднялся и лизнул деда в нос.

- Люблю, - сказал он. Дед погладил маленькую головку и ответил:

- Я тоже тебя люблю, маленький ты мой. Ребенок.

После еды собаки нуждаются в прогулке. Он знал, что эти дела не терпят, и поспешил вывести щенка во двор, а сам уселся на лавочке, дожидаясь.

Солнце уже давно проскочило зенит, и ни на секунду не останавливаясь, катилось ко сну. Старик замер под теплыми его лучами, впитывая в свое ссохшееся, морщинистое тело последнее осеннее тепло, дремал и не шевелился, как черепаха.

- Какой сегодня хороший, необычный день, - лениво скользила его мысль и скатывалась, натываясь на сон. Но старик просыпался и снова повторял:

- Да, этот день очень и очень хороший. Он принес в мою жизнь большие перемены. Я теперь другой и все будет по-другому. У меня есть Ангел-хранитель. Я обманул одиночество. Теперь у меня есть Друг!

А Ангел, подбежав к деду, дергал его зубами за штанину, бодал ноги, рычал громко, припадая на передние лапки. Одним словом, приглашал поиграть. Дед и это понял, но, представив себя бегающим за щенком по двору, рассмеялся.

- Ну, это уж слишком! Соседи-то меня точно в дурдом упекут.

Поэтому он встал и поспешил домой. Ангел взлетел по лестнице, а старик шел за ним, поскрипывая костями. «Весь день бегаю, как заводной. Загоняет меня мой Ангел. Где ты, моя молодость? Вот она какая – старость! Эх-хе-хе...»

Вечером дед все-таки прибрал в квартире, даже вымыл пол. Он очень устал, но был горд и доволен собой. Порядок радовал его. Правда, он тут же нарушался. Ангел раздобыл где-то газету, улегся посреди комнаты и начал ее рвать, с удовольствием сплевывая вокруг себя маленькие кусочки. Старик не ругался, он улыбался. Он понимал – ребенок.

Ночь уже накрыла землю, спрыгнув вниз с неба, ловко и быстро, как воздушная гимнастка. Дед открыл окно и высунулся наружу. Взгляд его был направлен на контейнеры. Да, они были там, за ними. Его стая! Старик нашел себе радость и забаву. Он спасся от одиночества, а они? Кто спасет, кто поможет им? Сжалось сердце старика от жалости.

Его стая.. Да, они никому не нужны, кроме него. И может в этом и есть его предназначение - спасти жизнь вот этому маленькому щенку, значит, спасти стаю?

Долго еще стоял он, глядя на чернеющие контейнеры вдали. Мусор. Его собаки для других людей тоже мусор. Они были выброшены, никому не нужны. Кроме него. Наконец, закрыв окно, он подошел к дивану и начал осторожно пристраиваться с краю, потому что Ангел был уже в постели и крепко спал, лежа на спине, широко раскинув лохматые лапы в стороны и даже слегка посапывая.

- Ишь ты, спит-то как! Ребенок, - боялся он разбудить щенка.

Дед улегся, собираясь уснуть, но голова его была, как пустая клетка. Сна не было. Что-то грызло старика изнутри. Он никак не мог понять, в чем дело, ведь день был такой радостный, такой хороший. И дед начал заново перебирать в уме происшедшие события.

Утро. Был Витька. Обед – он нашел Ангела. Магазин – Вероника. Вечер – большая уборка. И, наконец, ночь и все усиливающееся беспокойство.

Поворочавшись с боку на бок с полчаса, старик, досадуя, встал и пошел на кухню. Усевшись за голубой стол, закурил и начал рассуждать:

- Вот ведь как человек устроен. И сыт я, и пить бросил, и не один теперь, слава Богу, а вот что-то мучает, мешают. А что не так, чего мне не хватает, почему так беспокойно моей душе?

И снова начал прокручивать прошедший день. Вот его бывший сосед Смаков Колька крепко пожимает его руку. И тут же другая рука, белая, с тонкими, длинными и нервными пальцами, протянутая ему. Рука картежника Витьки возникла в его памяти и больно ткнула в сердце. Старик вскочил, как ошпаренный.

- Ах, старый я дурак! – заругался он. – Негодяй, осел. Да, подлость сделал! Возвысился, возгордился, обиделся. Подумаешь, какая цаца, козлом меня когда-то называли. Ведь понимал же я, почему о душе своей заговорил Витька, и в какую дорогу собирается! Так что ж я ему руки-то не пожал?- грыз и укорял себя старик.

- Что? – возмутился его разум и осудил. - Руку убийцы жать?

Но здесь в разговор вступила совесть.

- Руку человека, - сказала она.

- Руку убийцы Человека, - поправил разум.

- Он сам был жертвой, - заступилась совесть.- Он не мог жить без нее. Это было бы последнее пожатие человеческой руки. Он прощался.

- За все надо платить, - утверждал разум.

- Он страдал, он любил, он был одинок и уходил нав-сег-да, - уверяла совесть.

Дед слушал эти голоса и колебался, на чью сторону ему встать. Но в конце концов выбор пал на совесть.

- Да, я дурак, старый дурак, выживший из ума, - снова заругал он себя.- Хороший день, хороший день...Ан вон как. Да как же я мог? Почему так отнесся к нему? Кто дал мне право судить? – возмутился он. – Не пожал руки!

Беспокойная совесть деда никак не хотела спать. Она заставляла его мерить шагами маленькую кухню.

- Кто знает, поговори я с ним по душам, пожми ему руку, может быть, я бы остановил его, спас, - досадовал на себя старик.

И совесть щедрою рукой отмеряла порции стыда раскаявшемуся деду.

- Я мог спасти его, но не стал этого делать!

Полночи мелькал свет в его окне. А кухня была перемерена тысячью шагами. Вставал и ложился дед, курил одну за другой сигаретки, все ругал себя и не мог простить.

- Эх! Выпить бы сейчас, - подумал он по привычке и прислушался к себе. Нет! Выпить его совершенно не тянуло.

- Да, видно, пришло время, отпил свое. Эх, старость – не радость, - загрустил он, снова укладываясь в постель. Наконец, глаза захлопнулись, и он забылся тяжелым, беспокойным сном.

...Качели висели между землей и небом. Он стоял на тоненькой перекладине, держась за толстые цепи, уходящие высоко в небо и цеплявшиеся

там за черноту. Не было видно ни одной звезды, никакого просвета. Абсолютно черная плоскость над его головой блестела, как нагар сажи.

Впрочем, небо ли это? Огромный солнечный диск почти касался земли. Он не сиял, а горел, как кусок раскаленного угля, и из него лился на поверхность густой, красный свет, смешанный с жаром. Глядя на это грозное светило, старик засомневался: «А солнце ли это?»

Словно узнав о его сомнениях, появилась лохматая фиолетовая туча и закрыла собой диск, как большой красный глаз черное веко. Края тучи загорелись. Алая молния схватила ее в свои объятия. Длинные пурпурные ресницы светила заскользили по земле и распахнулись на верху тучи, целясь в небо, которое по-прежнему оставалось блестящим и черным, не отражая в себе никакого света. Было жарко.

Как только туча прикрыла светило, качели резко дернуло и потащило вниз.

- Ух! – вскрикнул старик, и они послушно остановились. Теперь он был ближе к поверхности и мог лучше рассмотреть открывшуюся его взору картину. Под ним расстилалась бесконечная равнина. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. Только белые камни, местами – кучи камней, покрывали буроржавую землю. Ни ветерка, ни звука. Стояла глубокая тишина.

Очень далеко над этой площадью возвышалась величественная, конусообразная гора, по бокам которой торчали, как трубы, два острых шпиля. Черный дым вился из них и стелился по небу, еще больше лакируя его. Но было ли это небом?

На вершине горы зияло жерло, в котором что-то горело и кипело. Временами снопы искр вырывались из этого пекла и, раскрывшись веером, осыпали гору, втыкая в ее тело красные огоньки. С краев жерла, в сторону долины перетекала тягучая лава, тоже черная и блестящая, как небо. Густая и горячая, мерцала она, отражая все оттенки красного в своем медленном и ровном течении.

Пока старик разглядывал чудовищную гору, раскаленное светило прожгло в туче дыру и потоки кровавого света и тепло с удвоенной силой полились вниз, крася и жаря землю. Туча горела. Диск светила, как сгусток крови, просочился сквозь нее, и она стала похожа на кусок ваты, пропитанной кровью.

- Что за странная местность? Где я? – заволновался старик. А качели вдруг опять сорвало, и они рухнули вниз.

- Ох! – крикнул дед.

Качели зависли совсем близко над землей, метрах в двадцати от нее. Здесь было еще жарче. Светило продолжало поливать поверхность. Казалось, будто весь ландшафт пылает. Дед взмок, его одежда парила, во рту пересохло, кружилась голова. Он едва стоял на тоненькой перекладинке. Ослабели и подгибались ноги.

- Да Земля ли это? – в страхе прошептал он, смотря на этот мертвый нереальный мир.

А сумасшедшие качели снова нырнули вниз.

- О! – выдохнул старик, и они замерли, остановившись над крышей высокой арки. Он стоял и раздумывал, не спрыгнуть ли ему с этих ненадежных качелей. Но до крыши было метра три, и он не решился.

Поток, вытекающий из жерла, тягучий и вязкий, прямой, как стрела, тянувшийся посреди долины, здесь сужался и уходил под арку. Дед огляделся, но сзади ничего не было. В эту арку можно было зайти, но выйти было некуда. Мрак, как черный, молчаливый страж стоял за ней. И старик тоже остался стоять, судорожно вцепившись сведенными пальцами в накалявшиеся цепи.

Чернота, огонь, жар, красный раздражающий свет окружали его. Дышать было нечем. Горячий воздух плыл и дрожал. Но двигался не только воздух. Прищурив сухие глаза, он заметил, что шевелится и земля. Эти белые камни, притягивающие к себе его взгляд, как магниты железо, не лежали спокойно, как положено камням, а перекатывались с места на место, сталкивались друг с другом, невысоко подпрыгивали и беззвучно падали вниз. В этом мертвом пылающем мире не было звуков, лишь движение. Воздух плыл, с горы стекала лава и шевелились камни.

- Да где же я? Где? – запаниковал он.

И в этот момент горящий ландшафт взвился на дыбы, как красный конь, прыгнул навстречу деду, сжался и застыл перед ним. Картина приобрела ясность и четкость, стали видны мельчайшие детали. Старик мог протянуть руку и коснуться ее. И только теперь рассмотрел он, из чего состоит белый, шевелящийся панцирь, накрывающий землю. Человеческими черепами была усеяна долина. Из всех глазниц смотрели на него глаза, полные муки, страдания и боли. Они просили, умоляли, но красная пелена наплывала на них, гасила взоры и тогда струи крови стекали по черепам и падали тяжелыми каплями на горячую, пышущую землю. Они сливались друг с другом и, как змеи, ползли к потоку, опускали в него головы, подтягивали хвосты и соединялись с ним в одно целое.

А глаза прояснились и снова начинали молить, молить и молить.

- Так это не лава. Это кровь. Река крови! – обомлел старик. - И в жерле кипит тоже кровь. Человеческая кровь. И кровь здесь кругом – и на земле, и на небе... Но было ли это Землей и Небом?

Ужас сковал старика, как ледяная глыба, и приклеил к наклонившимся качелям.

- Господи! Да это же ад! Я в аду, Господи! – закричало его сознание.

- Я в аду, Господи! – вопила его душа.

Он чувствовал, как жар раскаленного светила, жар, мерцающий в горе, жар, исходящий из земли, высасывают его тело, которое вот-вот высохнет, и он осыпется вниз, как горсть песка.

А глаза все смотрели, молили его. Старик мучился. Он сострадал и, сострадав, страдал сам. Вся исходящая из этих глаз боль проникла в него и разрывала его сердце. Ему хотелось провалиться под землю, но только не видеть их. Их муки были слишком сильны, наваливались на него одного. Его одежда начала дымиться, и старик стал ждать смерти.

Страх, как ядовитый паук, накинул паутину на его душу и поймал ее. Она забилась, задрожала. И вместе с ней задрожал каждый его член, каждая его клетка, каждая молекула.

- Это ад! Ад! – пылала его голова. Он задышался.

Но вот из-под арки появились двое – мужчина и женщина. По щиколотку утопая в кровавом потоке, они шли по направлению к горе. С каждым их шагом ландшафт кренился и отодвигался от него. Старик, наконец, вздохнул.

Они были голы. До боли знакомые, отливающие золотом волосы женщины накрывали ее тело, как плащ. Она шагала широко, уверенно, крепко держала мужчину за руку и тянула за собой. Тот упирался, идти не хотел и все оглядывался назад.

- Ксюша и Витька, - узнал дед, дрожа от страха. Мужчина снова оглянулся и, заметив деда, радостно заулыбался и замахал ему.

Ксюша, не останавливаясь, упрямо тащила Витьку за собой, а он все оглядывался на деда и тянул, тянул ему руку. Видя эту тянущуюся к нему руку, старик не удержался, отпустил цепь и протянул Витьке в ответ свою трясущуюся ладонь.

Но тут Ксюша повернулась и глянула на деда зло и гневно. Волосы ее зашевелились, свились в длинные щупальца. Они взметнулись вверх, обрушились на Витьку, опутав его, и она приблизила его к себе. Несколько секунд смотрела Ксюша в глаза старику, и ее взгляд смягчился. Затем она подняла голову и дунула на тучу. И в тот же миг туча сорвалась и понеслась на него. Кровавый туман облепил деда. Все перевернулось. Он сорвался с качелей и провалился в пустоту, мрак, в ничего.

Он летел вдогонку своему оборвавшемуся сердцу, прижимал руку к груди. Вместе с сердцем остановилось и время, и он не знал, сколько его прошло, прежде чем снова услышал сначала слабенькое тук-тук, а потом все сильнее и быстрее забилось оно вновь. Впереди него зажглась яркая точка.

- Слава Богу! Слава Богу! Я вырвался оттуда, - глубоко задышал дед.- И эта точка Звезда. Значит это Небо, а я лечу по небу! – ликовал он.

Точка приближалась, увеличивалась, росла.

- Ну и несусь же я! Какая скорость, как быстро я долетел до этой Звезды! – удивился дед.

Великолепный, блестящий и сияющий шар был уже опасно близок, и он замахал руками, пытаясь изменить курс, но ничего не получилось. Вспыхнула мысль: «Сейчас я сгорю!» Он закрыл глаза, так нестерпим был блеск и сияние шара, и влетел в него. Ничего не произошло. Движение замедлилось. И старик... полетел.

- Вот так летают над Землей птицы, - чувствовал он легкость тела и невесомость.

Его окружал перламутр. Стоило ему пошевелиться, как светящийся ореол очертил его, и он... поплыл.

- А вот так плавают рыбы, - ощущая легкое сопротивление тела, толкал он свое тело вперед.

Шар переливался всеми цветами радуги. Старик плыл рядом и любовался игрой красок.

- Я словно внутри мыльного пузыря. Как красиво! – оглядывался он по сторонам. – Но где же я? Где?

Его тело стало послушным и подвижным, а глаза отдыхали. Весь страх и ужас, которые он недавно испытал, испарились, мозг остыл и снова обрел способность думать.

- Но ведь это не может быть Звездой, - рассуждал дед.- Так куда же я попал? Что это?

Внутренность шара была мягкая и прохладная. Она отражала в себе радугу переливающейся оболочки и держала его тело, дав ему свободу и мягкость. Цвета переливались один в другой, мерцали, затухали и вспыхивали снова. В их движении был определенный ритм. Это что-то напоминало ему, но он еще не мог осознать, что именно.

Старик чувствовал непреодолимую потребность коснуться радужной оболочки. Его пальцы осторожно дотронулись до нее и замерли. Ощущение, что коснулся чего-то живого, трепещущего. От прикосновения сфера вспыхнула, и цветные блики покатались по ней, как волны по морю.

- Как вздох, - подумал он. – Это мое сердце так трепещет. Я внутри своего сердца.

Гамма всей Вселенной жила в сердце.

- Это я играю на нем, или оно играет со мной? – спрашивал изумленный дед.

Странные чувства бушевали в его душе, складываясь в новые сочетания. Чувство боли переходило в жалость, жалость – в сострадание. Тоска и грусть, печаль и радость, отчаяние и надежда менялись местами. Сфера пульсировала, дышала, звучала. Шар знал все человеческие чувства.

Нежность потоком хлынула из старика, и он стал гладить шар, как живое существо. Хаотичное движение красок успокоилось, какофония звуков сменилась неземной музыкой. Слезы хлынули из глаз, и тихо заплакала душа. Он прижался лицом к этой живой, трепещущей сфере, вжался в нее и почувствовал ответную нежность. Мелодия любви коснулась его сердца. Он был любим! Его любили. И он любил этот сказочный мир.

- Как это прекрасно! – шептал он. Цвета, музыка, чувства соединились в одно целое, энергия любви заполнила его сердце.

- Так вот она какая, любовь! – воскликнул старик и проснулся.

...Ангел лежал у него на груди, тыкался мордой в бороду, барахтался, пытаясь вырваться, а он крепко прижимал его к себе. Дед разжал руки, и щенок спрыгнул на пол.

- Вот так сон! Ну и сон мне приснился! Это надо же, где я побывал, - он прошелся по комнате, шлепая босыми ногами и приходя в себя.

В голове его все звучала музыка. Все движения, подчиняясь новому ритму сердца, стали быстрее, точнее, как будто годы отступили, и он помолодел. Он чувствовал в себе силу.

Дед решительно прошел в ванную, включил воду и встал под душ. Его потное, липкое, разгоряченное тело хлестали холодные струи. Он не замечал холода. Старик стоял и думал о том, сколько людей живет на Земле, словно в аду, сколько совершенно ошибок, да таких, что ничего уже нельзя изменить, исправить. Что эти ошибки клеймят человека навсегда, жгут его изнутри, испепеляют все оттенки теплоты. В душе остается лишь огонь и выжженная, безжизненная пустыня. И сердце обугливается, перестает чувствовать свежесть легкого ветерка. Вот он ад земной.

Ксюшино сердце было выжжено злобой и обидой, поэтому не могла она понять ни Петькиной, ни Витькой любви. Никто ей был не мил. Себя не простила, но и их не пощадила. Ничего не осталось от нее. Прах. Ни от Петьки, ни от Виктора тоже ничего не осталось. Она их испепелила.

Наконец, холод доконал деда и пробрал до костей. Он выскочил из ванны и насухо вытерся полотенцем.

- Смотри-ка, как заново родился! – удивился он – так ему было легко. И мысли его стали ясными, а с глаз стекла затягивающая их пелена.

- Вот так шар! Вот так сон! А может, на самом деле сердце от любви заряжается, а от ненависти сгорает?

На небе сияло солнце. Солнце – сгусток огромной энергии и снившийся ему шар, наполненной особой энергией любви, были так похожи. Старик посмотрел за окно вниз. Собаки были на месте. Они ждали. Он был им нужен. И ему нужно было спешить. Он схватил хлеб и начал делить. Все поровну – кусочек себе, один Ангелу и девять им.

- Ангел, Ангел! – звал он. – Пошли к ним, они ждут нас.

Щенок скатился вниз, выскочил и помчался к контейнерам. Старик спешил за ним. Ангел понимал, куда нужно идти. На то он и Ангел. Он ведь и сам был оттуда. И хотя его вчера там чуть не разорвали, он бежал вперед и вел за собой деда. А ангелы они такие – они не помнят обиды и не держат в сердце зла.

А стая, увидев их, уже неслась навстречу. Это была славная гонка. Главная гонка в их жизни. Где первым призом была любовь. Радуюсь и скалясь, улыбаясь, обгоняя друг друга, спешили они к тому, кто был им так нужен. Да, собаки не умеют обижаться, зато они умеют ждать и любить.

Черный Смотрящий, белый Снежок, рыжая Радость, серый, как волк, Борщ, коричневый Крючок, пятнистая Кобра, подружки Карусель и Сосулька, пегий старичок Вам и, конечно, розовый колобок Ангел завертелись вокруг него. Собачий фейерверк рассыпался по песку и облепил его ноги, не давая шагнуть.

- Не вертись, Карусель, а то буду звать тебя Юла. А ты, Борщ, зачем толкаешь Сосульку? Смотрящий, чего ты рот раскрыл? Ну-ка наведи порядок! – распорядился дед. – Пошлите на место. Сами знаете, где место наше. Чего ж тут встали?

И собаки послушно бежали рядом, прыгая и заглядывая в глаза.

- Ждали, ждали меня. Я- то знаю, - отвечал им, радуясь и улыбаясь старик. Ничего, ничего. Проживем, прокормимся, - раздавала хлеб его щедрая

рука. А ты, Вам, лапку подаешь? Ах ты, умница! Ну, здравствуй, старичок. На и тебе, Радость. Ешьте, мои хорошие.

Он присел. И теперь уже десять морд доверчиво уткнули носы в его колени. Дед долго гладил их и разговаривал. Каждой собаке сказал он ласковое слово, а затем широко раскинул руки, обнял всех и опустил свою седую голову на их маленькие головки. Они были вместе – он и его стая.

